

АНРИ ДЕ КОК

Жизнеописания прославленных
куртизанок разных стран и
народов мира

Анри де Кок

**Жизнеописания прославленных
куртизанок разных
стран и народов мира**

«Остеон-Групп»

де Кок А.

Жизнеописания прославленных куртизанок разных стран и народов мира / А. де Кок — «Остеон-Групп» ,

Этот грандиозный художественно-публицистический труд посвящен историям женщин, которые совмещали прелести древнейшей профессии с проблемами государственной политики и финансов. Многие из них умудрялись разорять не только богатых вельмож, но и целые государства. Пойдя по стопам отца (Поля де Кока, которым зачитывались тургеневские девушки) Анри де Кок выдал в свет, кроме десятка фривольных романов, которые морализаторы сочли полупорнографическими (среди них знаменитая «Ла Минетта»), еще и столь же фривольную публицистику, как серию очерков «История знаменитых куртизанок» и «История знаменитых рогоносцев». Очерки написаны с присущим фамильной профессии блеском, это не скучное документальное чтivo, а в значительной степени подлинно художественная литература. В центре каждого очерка биография конкретной исторической личности, ее достоинства и недостатки, ее жизнь в самый примечательных событиях и судьба. Этот грандиозный труд вместил в себя 4 толстых тома в одной электронной книге. Свыше 100 страниц с многочисленными иллюстрациями.

Содержание

От издательства	5
Книга первая	8
НАЧАЛО ПРОСТИТУЦИИ	9
Родопис	12
Клеопатра	33
ГРЕЦИЯ	48
Елена Троянская	53
«Страстная» Сафо	64
Аспазия	72
БЛУДНИЦЫ АНТИЧНОЙ ЭЛЛАДЫ	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Анри де Кок ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ПРОСЛАВЛЕННЫХ КУРТИЗАНОК РАЗНЫХ ВЕКОВ И НАРОДОВ МИРА

От издательства

Отец и сын Поль и Анри де Коки одарили мир удивительно занятной, фривольной, развязной (но вместе с тем и талантливой!) литературой. Этаким «лёгким чтивом», совершенно лишённым морализаторства, анализа язв общества и гримас повседневной жизни. Героини Поля де Кока – актисы, графини, гризетки и влюблённые в них ловеласы, франты, бонвиваны – крутили романы, кидались друг другу в объятия, дарили надущенные поцелуи, легко сходились и расходились.

Этим героям были чужды романтические страдания, им было глубоко наплевать на судьбы мира, на революции и борьбу с тиранами. Литература эта дарила людям радость и отвлекала от невзгод реальности.

Истинные писатели, творцы большой литературы, исследователи глубин человеческой души, искренне, до исступления ненавидели Поля де Кока, в их глазах он воплощал всё самое ненавистное, что только могло быть в литературе – коммерческое творчество. Можно полагать, что книгоиздатели и книготорговцы де Коков обожали. Эта фамилия для них олицетворяла обильные продажи, толпы у книжных прилавков, беспрестанные переиздания.

Пойдя по стопам отца Анри де Кок выдал в свет кроме десятка фривольных романов, которые морализаторы сочли полуpornографическими, еще и столь же фривольную публистику как серию очерков «История знаменитых куртизанок» и «История знаменитых рогоносцев».

Анри де Кок. Портрет из прижизненного издания книги "История знаменитых куртизанок"

Если вторая еще ждёт своего русского издателя, то первая вышла в России чуть ли не на следующий год после издания во Франции. Но в каком виде!

Поистине, если бы де Кок мог ее прочесть, он в суеверном ужасе открестился бы от этой книги! Русский переводчик вначале дал суровое осуждение проституции как профессии, заклеймил порочное общество, бросавшее женщину на панель... Помилуйте! Ничего такого в настоящей книге де Кока нет! Она представляет собой просто собрание художественных очерков, коротких повестушек, выстроенных не по историческим эпохам, и не по степени падения или развратности героинь или их коронованных покровителей, а... по алфавиту!

Тем не менее в оригинале книга де Кока представляет собой объемистый том формата А4 на 800 с лишним страниц, в котором чрезвычайно сложно ориентироваться, даже не смотря на интерактивное оглавление. Часть историй в русском переводе отсутствует (особенно если их дело происходит в России).

Поэтому решено было снабдить историю дам полусвета иллюстрациями (а все они остались следы в творчестве великих художников своего времени) и расположить согласно эпохам в которые они жили и ... любили. В итоге вышла серия из 4-х книг, каждая из которых

представляет собой серию любовных новелл, в которых действуют наиболее примечательные деятели той эпохи.

Все эти истории очаровательны, поскольку де Кок искренне увлекался этими дамочками, он любил любовь во всех ее проявлениях, и потому бессмысленно искать в его рассказах даже тень осуждения. В то же время эти повести очень хорошо написаны, читатели получат от них немалое удовольствие, а морализаторы... Что ж, мораль можно извлечь из чего угодно, даже из «лёгкого чтения»...

**Книга первая
ГЕТЕРЫ И БЛУДНИЦЫ ДРЕВНОСТИ**

Анри де Kok
История
ЗНАМЕНИЙХ КУРТИЗАНОК

**ГЕТЕРЫ И БЛУДНИЦЫ
ДРЕВНОСТИ**

НАЧАЛО ПРОСТИТУЦИИ

**Проституция в Древнем Вавилоне,
Армении, Финикии, Лидии и др. странах.**

Все изыскания ясно доказывают, что первоначальная форма, в какой всегда проявляется проституция, есть, так сказать, проституция гостеприимства.

Следы ее можно найти еще в первичные эпохи, когда известный полудикий народ занимался только охотой, удовлетворявшей его воинственным инстинктам и материальным потребностям.

Этим народом были халдеи, обитавшие в гористой стране, по соседству с Месопотамией, и в то время как они созидали, так сказать, патриархальную проституцию,— другие народы,

жившие по соседству с пустынной Аравией, в богатых и плодоносных странах, формировали из себя расу пастухов, кротких и смиренных.

Эти последние жили созерцательней жизнью, полной дикой поэзии, в которой заключался зародыш религии.

От того их проституция должна была принять религиозный характер.

Позже, когда Нимврод, основал Вавилон и подчинил себе и охотников и пастухов, в нравах этих столь несходных между собою народов произошла весьма понятная разладица, и проституция патриархальная, смешавшись с проституцией религиозной, совершенно утратила свое первоначальное значение и обе они составили нечто новое целое.

В этой их общности видели одну только форму, под которой обоготовляли Венеру или Милиту.

Пророк Варух, рассказывает в письме Иеремии к евреям, которых могущественный Навуходоносор покорил и привел рабами в Вавилон, – факты, достаточно обстоятельные, чтобы дать понятие об этом столь же странном, сколько чудовищном культе.

«Связанные женщины сидят по краям дороги и сожигают ароматы. Когда одна из них, взятая прохожим, разделит с ним ложе, она потом упрекает свою соседку в том, что та не была, подобно ей, найдена достойной принадлежать этому мужчине и видеть развязанным свой пояс».

Два века спустя, Геродот в свою очередь с более мелочными подробностями писал о том, что видел своими глазами.

«У вавилонян, говорит он, есть постыдный закон, по коему каждая женщина, родившаяся в стране, раз в жизни обязана быть в храме Венеры и отдаваться иностранцу.

Многие из них, не желая смешиваться с толпой вследствие гордости, внушаемой им их богатством, приказывают везти себя к храму в закрытых колесницах. Там они сидят, окруженные великим числом сопровождающих их слуг; но большинство других окружают храм Венеры, сидя на земле, с веревочными повязками на головах. Одни приходят; другие удаляются. Повсюду видны отдельные аллеи, в которых прогуливаются иностранцы и избирают наиболее нравящихся им женщин.

Как только женщина заняла здесь место, она не может возвратиться домой прежде, чем какой-нибудь иностранец не бросил ей на колена денег и не возымел с нею сношения вне священного места. Нужно, чтобы иностранец, бросая деньги, сказал ей: «Я призываю Милиту!»

Ассирияне дают Венере название Милиты. Как бы ни была ничтожна сумма, отказа быть не может, он воспрещен законом, ибо деньги эти становятся священными.

Она следует за первым, бросившим ей деньги, и ей не дозволяется никому отказывать. Наконец, когда она уплатила свой долг богине, отдавшись иностранцу, она возвращается домой; после этого, какую бы сумму ей не предлагали, обольстить ее невозможно.

Изящные и красивые женщины не долго остаются в храме; но дурные живут иногда три и четыре года, ибо не могут удовлетворить закон.

Что же в таком случай значил тот пояс, о котором говорит Варух, как не эмблему стыдливости,— эти слабые узы, которые разрушаются насильственной любовью?

Ибо было нужно, говорят рассказы, чтобы получить ласки посвященных женщин, уводить их за веревку под деревья, где оканчивалось таинство.

Традиции требовали, для того, чтобы жертва была приятнее богини, чтобы приносившая эту жертву вносила больше пылкости в свои желания и спешила разрушить препятствия.

Барух говорит также о жертве сжигаемой посвященными, дабы сделать Венеру благоприятной.

Одни,— ибо в подобных обстоятельствах мнения всегда различны, — предполагают что то был рисовый пирог, другие — любовный напиток; а трети говорят, что то был просто ладан.

Страбон рассказывает, что все женщины, без исключения, повиновались священному оракулу, из гостеприимства предлагаая свое тело иностранцам.

Храм Милиты, единственный где с самого рождения поселилась религиозная проституция, и где она развивалась, не замедлил, понятно, оказаться недостаточным по мере того как увеличивалось государство.

Чтоб уничтожить это естественное препятствие, не. нашли ничего проще, как создать священный двор проституции, – обширное пространство, прилегающее к храму, в котором жертвы были столь безнаказанны, что ни мужья, ни отцы не имели над ними никакой власти, как только они переступали через порог.

Но эта, на половину патриархальная, на половину – религиозная проституция не была исключительной привилегией иностранцев.

Жрецы этого нечистого храма не презирали земные наслаждения и без смущения похищали большую часть тех ласк, которые поклонницы Венеры предлагали первому встречному.

Должно ли после этого удивляться, что пример, доставляемый законоположениями, до самой сердцевины развратил город всяческого великолепия.

Вавилон, этот громадный Вавилон, занимавший пространство в пятнадцать лье, и заключавшей в себе несколько миллионов жителей, вскоре стал притоном всяческих безобразий, пучиной, в которой самый отвраительный разврат постоянно продолжался, не смотря на ужасные катастрофы.

Разрушенный персами в 831 году до Р. Х., опустошенный, ограбленный, он изливал из своих развалин яд разврата, как сгнившие трупы заразу.

И когда Александр, вход которого в Вавилон блеском своим превосходил все, что видела вселенная, – когда Александр, говорим мы, появился в этом некогда великолепном городе, он, которого, кажется, ничто не должно бы было удивить, он ужаснулся этого страшного распутства.

Чтоб дать о нем совершенно точную идею, достаточно воспроизвести ту картину, которую рисует Квинт-Курций, историк Александра.

«Не было никого развратнее этого народа, никого более сведущего в искусстве наслаждения и сладострастия.

Отцы и матери страдали от того, что их дочери проституировали с жильцами за деньги, мужья были не более спокойны относительно своих жен.

Вавилоняне особенно предавались пьянству и всем сопровождающим оное безобразиям.

Женщины сначала являлись скромно на празднества, но потом скидывали свои платья, затем остальную одежду, мало-помалу обнажая стыдливость, пока не являлись совершенно голыми.

И то были не публичные женщины; то были женщины избранного общества и их дочери.»

Как те деревья, которые распространяют свои громадные корни по всем направлениям, – культ Милиты вскоре должен был проникнуть в остальную Африку и даже в Азию, т. е. в Египет и Персию.

Изменилась только форма, но сущность осталась та же. То была та же священная проституция, но имя богини было другое, также как и образ ее обожания.

Таким образом Венера стала Анaitис Армении.

Её храм, выстроенный в подражание Вавилонскому, был также окружен обширными землями, где теснилась толпа желавших воздать ей почести.

Иностранцы пользовались печальным преимуществом быть принимаемыми в этом оазисе легкого наслаждения и утопать в нем до пресыщения, отплачивая за это ничтожным подарком.

Мужчины и женщины, ибо храм этот принадлежал обоим полам, которые предавались на неопределенное время культу Ананитис, принадлежали, как бы можно было думать, не к низшему классу, но напротив к самым уважаемым фамилиям страны.

Ибо такова была деморализация этой эпохи, что девушкам нечего было сожалеть о последствиях этого распутства.

Напротив занятие это шло на в пользу, в том смысле, что мужья судили об их достоинствах по числу их любовников и прежде чем взять за себя замуж справлялись в храме о том, как они себя в нем вели.

Подобно тому как мужчины сделали из Венеры олицетворение женской природы, женщины создали культ Адониса, ставший впоследствии культом Приапа.

Финикияне были едва ли не первыми создателями гермафродизма, в изображении их Астарты...

Эта Венера, которой воздвигали храмы в Тире и Сидоне и других важных городах, была изображена двуполой, олицетворяя таким образом Венеру и Адониса.

Кроме того, этот грубый символ был еще выразительнее наочных празднествах, отправляемых в честь богини.

Мужчины, одетые в женское платье и женщины, превратившиеся в мужчин, благодаря этому костюму, предавались самому необузданному распутству, какое когда либо зарождалось в воспаленном мозгу.

Нечистый жрец управлял церемонией, которая исполнялась под звуки музыки, состоявшей преимущественно из погремушек и барабанов.

В эту ночь смешения зарождались несчастные создания, который должны были знать только своих матерей, ибо последние были бы в большом затруднении объяснить какой отец дал им жизнь.

Между тем, брак должен был существовать вне священной проституции, ибо финикияне, дабы исполнить закон гостеприимства, отдавали своих невинных дочерей иностранцам, просившим у них убежища.

Эти беспорядки остановились только при Константине Великом, который издал против них закон, т. е. в IV веке по Р. Х.

Родопис

Три тысячи лет назад. уже существовала любовь! Она существовала – и, тогда, по-видимому, жилось хорошо, ибо за невозможностью обесценить свою красоту, по крайней мере, было можно обессмертить свою память, воздвигнув монумент, стоявший целого города.

В настоящее время кидают камнем в куртизанку, когда она разорит какую-нибудь дюжину любовников. А в Египте три тысячи лет назад, куртизанка, чтобы воздвигнуть себе великолепное ложе, разоряла целую страну. Все вырождается!..

Всем известна жизнь Эзопа, первого баснописца, жившего за пять с половиной веков до Рождества Христова.

Эзоп родился в Фригийском городе Амфиуме, и, был, невольником то ли греческого философа Ксанфа, то ли богатого, Самосского купца, Иадмона. Последний сделал для Эзопа то, чего первый, не смотря на свой ум сделать не мог - он освободил его. Мы тотчас скажем при каких странных условиях. Философы Греции приобретали известность, великими изречениями, напыщенными громкими словами; Эзоп взял более скромный тон, а был не менее их известен. Он заставил говорить животных и неодушевленные предметы, чтобы научить людей быть добродетельными и исправить их от недостатков и пороков. Слава о его мудрости распространялась по всей Греции и в соседних странах. Крез, царь Лидийский, призывал его ко двору. Цари Вавилона и Мемфиса принимали его с большим почетом. Возвратившись в Грецию, он не понравился дельфийцам за свои упреки, касавшиеся их личности и особенно за басню – «Брошенные палки», направленную против них. Раздраженные обидным сравнением, они низвергли его с Гиампейской скалы¹.

Каким бы философом ни был Эзоп, заявивший, что, «приближаясь к царям, им должно говорить только приятные речи», – он не знал, как это доказала его смерть, – что не менее опасно оскорблять народ.

Вот почти слово в слово то, что говорит об Эзопе Лафонтен, а его рассказ, заимствованный из сочинения греческого монаха, по имени Плануда, которому мы обязаны собранием басен знаменитого фригийца, – точен…

Только в одном случае он неправ, когда со слов Плануда, он представляет Эзопа существом отвратительно безобразным от природы, которая, одарив его прекрасным умом, произвела его на свет уродливым и безобразным, едва похожим на человека, совершенно лишив его дара слова.

Тогда как, напротив, один ученый XVII века, Мезирианц, близко знакомый с древностью, доказал, что Эзоп, не будучи идеалом красоты, подобно Антиною, – был не хуже всякого другого, и что, умея мыслить, он выражался лучше многих.

Это доказывается тем, что он имел честь или счастье быть любовником той знаменитой куртизанки, имя которой носит этот рассказ, и которая за собственный свой счет воздвигла

---

¹ За это город Дельфы постигла чума, и еще долго пришлось дельфийцам расплачиваться за Эзопову смерть.

одну из пирамид Мемфиса,— так дорого ценились её прелести и ласки,— и одну ночь разделяла ложе с царем Египта Амазисом... То была единственная неверность, за которую Амазиса могла упрекнуть его супруга. Но когда Родопис знала и любила Эзопа, она, подобно ему, была меньше, чем ничто... Она была невольница!

Родившаяся во Фракии, она пятнадцати лет была похищена лесбосским пиратом, привезена на остров Самос и продана Иадмону, хозяину Эзопа, — того самого Эзопа, который за свой ум и веселый нрав уже начинал приобретать расположение своего господина.

Родопис была восхитительно прекрасна, и по этому была куплена Иадмоном...

Этот купец очень любил хорошеньких женщин. Но была еще и другая причина этой покупки.

Хотя Иадмон и не думал быть философом, он был не глуп. Он хотел на опыте увидеть, может ли человек, вроде Эзопа, поучающего себе подобных, при случае вести себя лучше их?..

Эзоп

Эзоп был вместе с Иадмоном на рынке невольников, на котором была выставлена Родопис. Крик восторга, вырвавшийся у фригийца при виде молодой фракиянки привлек на нее внимание Иадмона, и у него зародилась первая мысль, сравнительно маккиавелиевского плана, исполнение которого мы увидим.

– На самом деле, сказал он, – эта девушка восхитительна. У тебя Эзоп, хороший вкус. Я ее куплю. Сколько стоит?

– Две тысячи золотых монет.

– О! две тысячи – много! Полторы тысячи!

– Ни гроша меньше.

– Ну, я беру ее. Она мне нравится.

И Иадмон прибавил сквозь зубы: «и Эзопу тоже!»

В то время как ее торговали, краснея от гнева и стыда за свою наготу, – так как и невольницы и невольники выставлялись на продажу совершенно голыми, – Родопис, со сдвинутыми бровями, ярким взглядом, оставалась безмолвной и неподвижной как статуя.

– Ты ее приведешь ко мне, – закончил Иадмон, отдавая пирату кошелек, содержащий в себе часть суммы, за которую была куплена девушка.

– Теперь она ваша, господин, – сказал Эзоп, – так что совершенно бесполезно, чтоб эта бедная девушка была жертвой всех алчных взглядов.

И не дожидаясь ответа Иадмона, он набросил на фракиянку кусок материи, взятой им у пирата.

Справедливо! совершенно справедливо!.. – проговорил Иадмон. – Так как она теперь моя, то бесполезно... Что значит иметь прислугой человека с чувством... Этот Эзоп обо всем думает!..

Раньше чем через час Родопис была уже в жилище Иадмона, который велел ее одеть в великолепные одежды.

На самом деле, прекрасная фракиянка очень нравилась Иадмону; приближающаяся ночь не могла пройти без того, чтобы он не воспользовался своими правами над нею. Эзоп вздыхал.

Но его тайная печаль перешла в радость, когда Иадмон, обернувшись к нему, сказал:

– Эзоп, я хочу дать тебе поручение.

– Какое господин?

– Эта фракиянка, без сомнения, прекрасна, но что значит красота без добродетели!

Прежде, чем она будет мне принадлежать, для меня было бы приятно, если бы ты развел, если возможно, способности Родопис... Если только возможно... потому что если нечего развивать...

– Да – да, господин! Или физиономия Родопы очень обманчива, или в ней есть много...

– Ты полагаешь? Тем лучше! И так ступай, мой милый, поговори с ней... заставь ее говорить... научи, разведи ее... Научи ее полюбить своего господина прежде, чем ему принадлежать. Слышишь, Родопис, если ты сумеешь воспользоваться уроками моего верного Эзопа, ты будешь для меня не простая невольница... Я, быть может, сделаю тебя свободной, как намерен сделать то же, для назначаемого тебе профессора. Короче... заслужите оба мою благосклонность и... больше я не скажу ничего... вы не будете раскаиваться!

Иадмон после этих слов удалился, оставив вместе Эзопа, которому было еще только тридцать лет, и молодую девушку.

Смотря на него она хотела.

– Чему вы смеетесь? спросил он, восхищенный в тоже время тем, что поручение его расстроило.

– Тому, – отвечала она, – что если вы намерены заставить меня любить этого старика, которого золото сделало моим господином, то вы меня удивите.

«О! о! – подумал Эзоп, – а она с душком!»

– Однако... – сказал он вслух.

– Никакого «однако» нет, – возразила Родопа. – Я буду ему повиноваться... если буду вынуждена... но никогда не полюблю его. Подумал ли он о том, что встревожило вас там... в

палатке пирата?.. Если б я и полюбила кого-нибудь, так человека, который имел бы сострадание к моему стыду... В таком случай, это был бы не он!

Эзоп чувствовал как сильно билось его сердце.

«Она признательна», – подумал он.

Родопис продолжала:

– И разве Иадмон молод или красив?.. Разве он доказал мне одно из самых благородных чувств?.. Разве рабы любят своего господина?..

«У неё есть ум, – подумал Эзоп.– Ум, сердце, красота, и я откажусь от обладания таким сокровищем!.. Ни за что!»

Ловушка была поставлена искусно, и Эзоп влетел в нее по уши, не смотря на свою мудрость.

После полузнания, сделанного ему Родопой, естественно уже увлеченной ею, – где было ему взять силы, даже угадывая хитрость Иадмона, чтобы уничтожить эту западню своим поведением?

Однако, нисколько дней он боролся; нисколько дней он старался победить свою страсть...
Но они бывали постоянно одни...

Она была так прекрасна!..

И когда он говорил ей, для исполнения своей обязанности, об Иадмоне, столь добром и великодушном...

– Ты мне надоедаешь, – отвечала она с гримаской.

Какая ошибка, надойдать хорошенъкой девушке, когда, по-видимому, стоить только захотеть, чтоб развлечь ее...

Наконец, однажды вечером, Эзоп открыл свою любовь Родопе.

– Так что же? – сказала она.

После этого ответа могло случиться только то, что случилось. Увы! наши влюбленные не предвидели той печальной развязки, которая разрушила их счастье!..

Ничего не подозревающие, они с самого первого дня, в который была предоставлена им видимая свобода находились под надзором шпионов, наблюдавших за каждым их движением.

Когда после самых сладостных минут, проведенных ими, под безмолвной сенью дерев темного сада, они возвращались, обнявшись, в свое жилище, – на пороге встретил их Иадмон, который как будто их подждал.

Беспокоиться пока было нечего; Иадмон часто ожидал таким образом их возвращения с прогулки употребленной ими без сомнения, для того, чтоб потолковать о своих постоянных обязанностях. Они поспешили разъединить слишком нежно сжатые руки.

Но Иадмон проговорил насмешливым голосом:

– Ну-с, господин Эзоп, мудрый Эзоп, добродетельный Эзоп, так то ты проводишь в жизнь свои правила? За добро ты платишь злом. Я тебя считал своим сыном. Более гуманный, чем Ксанф, у которого я тебя купил, я не только обещал не продавать тебя, но даже дал слово сделать тебя свободным. В благодарность за мою доброту ты обольщаешь невольницу, вверенную твоим попечениям... Ты крадешь принадлежащие мне ласки... Что ты ответишь?.. Какого наказания заслуживаешь ты за свою измену?..

Пораженный Эзоп склонил голову.

Родопа стояла гордая, спокойная, улыбающаяся.,.

Можно было сказать, что счастье, которое она вкусила, давало ей смелость противостоять гневу господина.

Этот последний, по прежнему насмешливо, продолжал:

– Ну, я доведу испытание до конца, чтоб доказать тебе как ничтожна твоя мудрость... Ты любишь Родопу? Я отдаю ее тебе. Ты на ней женишься.

Родопа радостно вскрикнула; Эзоп испустил восклицание, вовсе не имевшее того же смысла. Как ни был он увлечен прекрасной фракиянкой, перспектива быть навеки связанным с нею не очень льстила его воображению .

– Только, – продолжал Иадмон, – ты останешься моим рабом. Это меньшее наказание за твое преступление.

Женатый и раб! Наказание было слишком строго… Эзоп упал.

– Умилосердитесь, господин!.. – прошептал он.

– А! а! – зубоскалил Иадмон. – Ты просишь милости?.. Ты предпочитаешь свободу своей возлюбленной. Для тебя прелестная Родопа, это не очень то честно! Но что ты хочешь, хотя он меня глубоко оскорбил, я не хочу его обездеживать… Покончим же Эзоп, ты не будешь мужем твоей красавицы… Ты будешь свободен… Ты свободен с настоящей минуты… Но Родопа заплатит за вас обоих… Завтра один из моих приказчиков отправляется в Египет; он возьмет с собой Родопу, и там продаст ее. Выбирай, Эзоп: ты раб с нею… или свободный без неё?

Родопа, бледная, смотрела на еще более бледного Эзопа. На что он решится?

Страшная борьба происходила в душе фригийца.

Иадмон сказал ему правду, что докажет, что его мудрость дым: или из любви он должен приговорить себя к вечному рабству, он, которой мечтал на свободе странствовать по свету, – или по рассудку, он пожертвует женщиной, которой сию минуту клялся в нежности и привязанности…

– Выбирай! – повторил Иадмон. – Свободный без нее или раб с нею?

– Свободный!.. – пробормотал Эзоп.

– О! – вскрикнула фракиянка уничтожая своего любовника презрительным взглядом.

И ничего не прибавив, повернулась к нему спиной и удалилась.

Иадмон был восхищен. Он отмстил по-своему, заставив, так сказать, мудреца выказать себя эгоистом и трусом, как самый обыкновенный смертный. Он сдержал свои обещания.

В тот же вечер в кармане у Эзопа была отпускная.

На другой день Родопа плыла на корабле в Египет.

Когда она оставляла дом Самосского купца, он сказал ей насмешливо:

– Ну, моя милая, ты быть может ошибалась, отвергнув старика ради молодого человека.

– Я была права, гордо ответила фракиянка, – потому что узнала, что ни старый, ни молодой, оба ничего не стоят. Отныне я никого не должна любить ни молодого, ни старика.

В это время в Саисе царствовал сын Псамметиха II Амазис, – царствование которого, если б о нем не говорили арабские историки, можно бы считать за басню.

Унаследовав после своего отца трон, этот государь превзошел его великолепием и великолудием. Кроме 14.000 прислужников, состоявших при дворце со временем Псамметиха, Амазис держал еще две тысячи офицеров и восемь тысяч лакеев, которыми он увеличил свою прислугу, получив престол.

Он каждый день надевал новое платье; он ни разу не садился на одну и ту же лошадь, и жил только год во вновь построенном дворце…

Одежда, которую надевал он хотя бы на час, дорогой скакун, на котором он съездил в храм Юпитера или Дианы, дворец, в котором он прожил час, – все это становилось собственностью его офицеров, фаворитов, знатных вельмож и придворных, которым он это дарил.

Однако, эти одежды и дворцы были не малоценные вещи. Десять тысяч человек были непрестанно заняты выработкой материй для одеяний царя и женщин его сераля. По этому можно судить о громадном числе тех, которые употреблялись на постройку великолепных и многочисленных зданий, назначавшихся для его жительства. То были обширные и роскошные дворцы, где самый драгоценный мрамор, самая изысканная живопись, самая дорогая мебель и

даже драгоценные камни были употребляемы в дело, чтобы жилище соответствовало пышности хозяина.

Дарить всё это богатство царю ничего не стоило, и чего бы ни стоила вещь, он более не смотрел на нее как на свою, как только он уже имел ее.

Амазис, в сущности обладал только двумя вещами, которых он не уступил бы за все троны, за все сокровища мира.

То был Нубийский лев, чудный лев *с голубыми глазами*, который оберегал его день и ночь и который в то время, когда царь отдыхал, никому не позволял к нему приближаться. Этот верный и бдительный страж, прибавляют арабские историки, был подарком одного знаменитого мага, который предупредил Амазиса, что ему угрожает убийство и что единственное средство его избежнуть, – никогда не раздаваться со львом *с голубыми глазами*.

Второе, что Амазис ценил более, чем обладание своим обширным государством, была его супруга Гермонтия; и Гермонтия заслуживала всей нежности царя. Независимо от физической красоты и ума, способных победить и пленить сердце, – она питала к Амазису такую глубокую привязанность, что в первые годы супружества, боязнь не быть любимой или видеть разделяемой любовь, которой она была, по её мнению, одна только достойна, заставила ее потерять рассудок. По счастью рассудок возвратился и она нашла в царе полную взаимность, которой заслуживало такое ясное доказательство любви. Хотя Амазис имел многочисленный и отборный сераль, но ни одна из заключенных в нем красавиц не имела права похвастать, что когда либо получила от него поцелуй.

Две тысячи женщин, ни больше, ни меньше, были осуждены ради одной и жить и умереть девственницами.

Это должно было принести Амазису несчастье. Было невозможно, чтоб рано или поздно, раздраженные презрительным пренебрежением эти две тысячи сердец не сделали его жертвой слишком постоянной верности.

Зимой Амазис жил в Саисе, летом – в Мемфисе, великолепном городе лежащем при входе в ту обширную песчанную равнину, которую впоследствии назвали равниной мумий, вследствие многочисленных гробниц, найденных там, и на севере которой возвышаются пирамиды. В этом же городе находился храм бога Аписа иди Озириса, представляющего черным быком имеющим белое пятно. В Мемфисе же находился пресловутый лабиринт или дворец царей, о котором говорит Геродот, и который был построен одним из фараонов в память о победе над одиннадцатью враждебными царями...

Но возвратимся с Амазису, а затем к Родопе.

Между прочим, как царь, Амазис был лицом очень странным, тем, что англичане называют *эксцентричным*, – со своим безграничным великодушием, со своей верностью одной женщине, обладая двумя тысячами.

А этот лев *с голубыми глазами*, как товарищ ночи...

Но каков бы он ни был, подданные его боялись.

Раз в неделю, во время своего пребывания в Мемфисе, он в сопровождении небольшой стражи, отправлялся на одно из прелестнейших мест города и там, – как позже Людовик Святой под дубом, – Амазис творил суд и расправу под сикоморой. То было славное время, когда сами цари управляли правосудием!

Однажды, по окончании судилища, когда он намеревался возвратиться во дворец, вдруг, невольно, Амазис испустил крик удивления, которому толпа отвечала, как эхо, при виде предмета, упавшего перед ним с неба.

Типичные египетские сандалии *tatbeb*

Эта вещь была *tatbeb*², по-нашему – туфля, а в небе еще парил орел, который выпустил ее из своих когтей, почти прямо над головой царя.

Где этот орел взял *tatbeb* и почему он выпустил ее, как будто нарочно, на дороге Амазиса? Вот что было необыкновенно.

Не менее удивительны были крохотные размеры означенной вещи. По положительным уверениям серьёзных историков эта туфля, белая с золотым рисунком, – имела десять сантиметров длины и четыре ширины.

Кому принадлежала восхитительная ножка, надевавшая эту туфлю?

– Я узнаю! я хочу знать! – говорил сам с собой Амазис, поднявший ее собственными руками и пожирая своими благородными очами, переворачивая ее в своих руках, как будто ожидал найти где-нибудь тайну её происхождения.

О, бренность человеческой мудрости! При одном только виде туфли, Амазис, добродетельный Амазис, влюбился в незнакомую девушку или женщину.

Эта женщина или девушка была ему необходима!

* * *

В тот же день он повелел, чтоб во всем Мемфисе и его окрестностях было объявлено, чтоб та, у которой орел унес *tatbeb*, немедленно явилась в его дворец.

Эта *tatbeb*, причина пылкого и внезапного восхищения Амазиса, – принадлежала Родопе. Привезенная в Египет и проданная одному богатому жителю Навкатриса, милях в двенадцати от Мемфиса, однажды утром она купалась в Ниле в обществе молодых девушек, таких же невольниц, как и она; в это время орлу, пришли охота похитить одну из *tatbeb* прекрасной фракийянки и отнести ее царю. Царь, который после этого происшествия не спал целую ночь, что вовсе не доставляло удовольствия его супруге, очень хорошо заметившей, что супруг её не совсем в своей тарелке...

---

² *tatbeb* – сандалия (в Древнем Египте).

Она с беспокойством расспрашивала его о причине.

— Дорогая Гермонтия, — отвечал он ей довольно сухо, — у меня две тысячи женщин, до которых, чтоб не обидеть вас, я никогда не коснулся даже пальцем; прошу вас, оставьте меня в покое, когда случайно, мне придет в голову каприз. В настоящую минуту меня занимает не вопрос любви, а вопрос искусства. Будьте откровенны и скажите, много ли найдется ног, которым будет в пору эта туфля?

Сказав это, Амазис снял с своей груди крохотную туфлю.

Царица пожала плечами.

— Во всем Египте не найдется ни женщины, ни девушки, которой была бы она впору, — вскричала она.

— Хорошо! — возразил царь; — если не в Египте, то в Италии, Греции, в Персии, в Индии — пусть ищут везде эту ногу: я хочу ее видеть! Если я должен употребить всё мое время, если я буду вынужден разослать всех моих служителей по всему свету отыскивать её... Её найдут и вместе с туфлей доставят мне её хозяйку...

Царица вздохнула, но ничего не возражала; она поняла, что будет не только неловкостью, но быть может даже неблагоразумием с её стороны, противиться капризу своего супруга.

Между тем, четыре или пять тысяч послов отправились во все стороны не только в Мемфисе, но на двадцать лье в окружности.

Сидя на колесницах, запряженных двумя быстроногими бегунами, эти герольды, с вожжами в одной руке, с рожком в другой, останавливались, на каждом месте, в каждом городе, в каждой деревне и там, сыграв блестательную Фанфару, чтоб собрать толпу и привлечь внимание, они три раза, звучным голосом, провозглашали царскую прокламацию.

В Навкатрисе, один из этих герольдов остановился как раз против того дома, в котором жила Родопа. Перед домом ее хозяина Манефты.

Манефта был мужчина лет сорока, довольно красивый, очень, как мы сказали, богатый, — имевший слабость к красивым женщинам, как Иадмон. Средства ему позволяли; он покупал всех женщин, привозимых пиратами из чужих стран на городской базар; он был умен и добр, он обращался с ними не как с невольницами, а как с равными, великолепно одевал их и с утра до вечера давал им полную свободу.

Родопа, одно из последних его приобретений, была предпочтаема им другим. К несчастью в ту эпоху, когда он купил ее, — недели за две до того времени, о котором мы говорим, — довольно важное нерасположение принудило его не иметь женщин и Манефта только незначительными ласками доказывал прекрасной фракийке тот нежный интерес, который она ему внушала.

Накануне того дня, в который орел похитил одну туфлю Родопы, наш навкатриец, почувствовав себя лучше, потребовал новую невольницу к себе. Если он еще не мог доказать ей насколько она ему нравится, он по крайней мере мог ей сказать свою оценку.

Родопа была около своего господина, когда звук трубы раздался на улице, предшествуя этим словом медленно произносимым герольдом:

«Именем Амазиса, любимца богов той женщине или девушке, богатой или бедной, свободной или рабе, у которой орел похитил одну из *talbeb* приказ немедленно явиться в Мемфис во дворец царя. И несчастие, беда и проклятие тому, кто бы он ни был, кто по своему желанию воспротивится исполнению приказания Амазиса, любимца богов.»

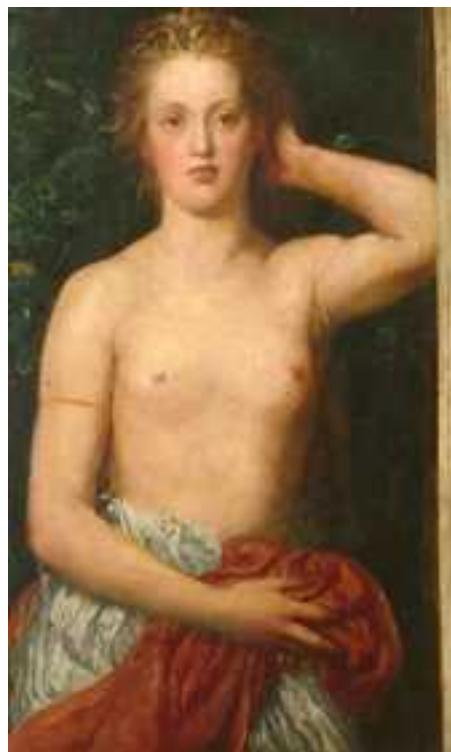
Манефта знал об этом происшествии; достаточно любопытный, он с поспешностью заставил себе рассказать историю пропажи туфли Родопы; еще герольд не кончил, — готовясь начать снова, — как, обратясь к фракийке, черты которой выражали удивление, смешанное с радостью; он оказал ей:

— Ты слышала?

— Да.

– Что ты хочешь делать?
– Повиноваться царю. Немедленно отправиться в Мемфис.
И она направилась к лестнице; Манефта удержал ее. Он был бледен.
– Итак, – возразил он, – ты оставляешь меня без со–желания? Однако, я был к тебе добр.
Я хотел быть еще добре... Если ты уйдешь, то быть может не возвратишься...
Она ответила презрительном жестом.
– Ну, я и не возвращусь!..
– Но я уже любил тебя.
– А я никогда не полюбила бы тебя... Прощай!
И она скрылась.

Со стороны Манефты было безумием хоть минуту думать, что он мог бы воспротивиться желанию своей невольницы. Приключение Родопы, случившееся с ней в то время, когда она купалась в Ниле, – проникло в квартал богатого навкатрийца. Когда прекрасная фракиянка появилась на пороге дома своего господина, ей не было нужды говорить, тысячи голосов закричали вместо неё герольду: «Вот она! Вот та, у которой орел похитил *tatbeb*!»

Родопис. С картины Дж. Фредерика Уоттса, 1868 г.

Восхищенный посланный Амазиса, надеявшийся получить хорошее вознаграждение за выполнение поручения подал руку молодой девушке, которая пробиралась сквозь толпу, почтительно раздвигавшуюся перед нею и помог ей взойти на колесницу.

Лошади помчались как стрела.

Менее чем через два часа Родопа была в Мемфисе во дворца царя.

Амазис не спал и вторую ночь, следовавшую за тем днем, в который орел уронил перед ним таинственную туфлю.

В это время он едва ли съел полкуска поджаренного пирога с медом и выпил рюмку белого мадейрского вина с фиалковым букетом.

Бессильно лежа на своем ложе, в одной из самых отдаленных комнат своего дворца, с глазами устремленными на *tatbeb*, лежащею пред ним на столе из порфира, он шептал:

«О дорогая, обворожительная ножка, увижу ли я тебя? Моя рука, уста мои неужели не коснутся тебя, как они могут касаться этого куска кожи, служившего тебе покрышкой? О дорогая, обворожительная ножка! быть может, ты принадлежишь не простой смертной! Увы! твоя божественная форма удостоверяет в этом. Ты принадлежишь богине: быть может Минерве или скорее Венере, Венере Арсиноэ, которая некогда царила в этой стране. Орел похитил эту туфлю не на земле, а на небе. Но в таком случай, богиня! если мне невозможно узнать и любить тебя, к чему дозволила ты этому орлу бросить страсть в мою душу?... Нет! Это невозможно. Ты не желала, чтоб я был на веки несчастлив!.. Напротив, этот подарок, сделанный от твоего имени, есть залог твоей будущей ко мне благосклонности... Арсиноэ! Арсиноэ! явись! я люблю тебя!.. Я люблю тебя и ожидаю!»

Это походило на сумасшествие! Если б нога, которой принадлежала туфля, запоздала еще несколько дней, – Амазис совершенно потерял бы голову. Но вдруг на дворе дворца раздался звук трубы, игравшей победу... Он обещал ей хорошую вещь...

Счастливый, служитель, нашедший Родопу, предстал перед царём.

– Ну? – спросил последний задыхающимся голосом.

Вместо всякого ответа посол положил на порфировый стол дружку *tatbeb*, упавшей с неба. Амазис радостно вскрикнул.

– Через месяц, – сказал он, – я оставлю этот дворец; через месяц он будет твой.

Жохер распростерся перед ним: Амазис сравнивал туфли. То была настоящая пара. Он проговорил:

– Как ее зовут?

– Родопа.

– Где ты нашел ее?

– В Навкатрисе.

– Она хороша собой?...

– Как звезда,

– Хорошо.

Царь ударил особенным образом в тэмбр; на этот зов явился Имбульд, управитель его удовольствиями. Ибо таков был этикет, что ни в каком случае царя нельзя было беспокоить: ни одна женщина, кто бы она ни была, исключая царицу, не могла явиться перед ним иначе, как будучи введена Имбульдом.

– Через час, Имбульд, – сказал царь, – ты приведешь Родопу.

Почему через час, когда ничто не мешало царю увидать ее тотчас же?

Но следовало позаботиться о туалете фракиянки Не думаете ли вы, что Амазис, царь Египта, потомок фараонов и сын Псамметиха, мог бы принять женщину которая предназначалась для его объятий, в той самой одежде, которой она обязана щедротам первого встречного?...

Между тем прибытие женщины с туфлями, произвело во дворца некоторое впечатление.

Две тысячи женщин Амазиса взволновались. Возможно ли, чтоб роса любви, в капле которой им постоянно было отказываемо, должна обильным потоком излиться на презренную чужестранку?... В серале уже было известно, что Родопа фракиянка.

Не менее этих женщин скрబела царица. Она явилась к царю.

– И так, – сказала она, тоном печального упрека, – это решено: вы хотите дать мне соперницу?...

– На один раз!.. – возразил царь, не смея смотреть на Гермонтию, ибо в глубине сердца он чувствовал, что делает ошибку, ошибку относительно своей законной жены и относительно своих двух тысяч наложниц... Наконец ошибку относительно самого себя, до сих пор по принципу следуя супружеской верности.

– На один раз говорите вы?.. – с горечью возразила царица.

Амазис сделал нетерпеливое движение.

– Ну, я верю… я верю вам, – возразила Гермонтия. – Но чтобы совершенно успокоить мою встревоженную нежность, дайте мне клятву…

– Какую?

– Поклянитесь Изидой, что эта женщина проведет только ночь, одну только ночь на вашем ложе…

Царь размышлял. Но он решил, что эта клятва будет уздой самой страсти, в случай, если обладание желаемым предметом даст этой страсти опасное развитие.

Как бы ни была мила Родопа фракиянка, долго любить ее было бы ниже достоинства великого государя.

– Клянусь, сказал он.

– Достаточно!

И Гермонтия удалилась более спокойная, хотя не менее печальная.

«Дурная ночь скоро проходит, – думала она. – И после дождя бывает вёдро».

Отданная Имбульдом на руки женщин, состоявших на службе при *гинекее* или серале, Родопа, лишенная своих одежд, сначала была вымазана ароматическими маслами, и её волосы облиты драгоценными ароматами. Затем на нее надели платье. То было не платье, а скорее сотканное облако, сжатое в талии пурпурным пояском, оставлявшее открытыми во всей их величественной наготе ее грудь, плечи и руки.

На голову ей надели род шлема из золота, форма которого напоминала собою птицу с распущенными крыльями, ее руки были покрыты браслетами из ляпис-лазури; в уши ей вдели гигантские золотые кольца, украшенные изумрудами.

Потом ей подали туфли; но все были слишком длинны и широки. Ея крохотная ножка плясала в них не достойных ее туфлях.

– Я пойду босая, – сказала она.

Невольницы раскричались. Но Имбульд велел им молчать. Привыкший жить среди женщин, Имбульд понимал их с полуслова. Родопа из кокетства хотела явиться пред царем с босыми ногами, сохраняя таким образом для него удовольствие надеть на неё туфли. Сверх того здоровье прекрасной фракиянки не могло пострадать от её милого каприза. *Гинекей* был невдалеке от царских покоев, и галереи, которые вели к ним, были покрыты циновками.

Амазис ожидал Родопу в своей спальне.

Тогда уже как начинала спускаться на землю ночь. Родопа была введена в спальню царя, и, по его приказанию, рабы зажгли лампады, висевшие на золотых цепях между колоннами и задернули окна тяжелыми пурпуровыми занавесами.

Как только Имбульд, предшествуя Родопе, сказал Амазису: «О царь, любимец богов, Родопа здесь!» – Амазис встал.

Он внимательно и до мелочей рассматривал ее.

С опущенными глазами, в скромном и вместе с тем гордом положении: с скромностью подданной перед своим государем, с гордостью женщины, стоящей перед своим любовником, – Родопа не шевелилась.

Наконец по знаку повелителя Имбульд и рабы удалились.

Амазис подошел к Родопе и посадил ее на кресло из слоновой кости. Потом он взял принесенные сюда туфли, и прекло– нив колена, дрожа от сладости замедленного прикосновения к маленьким ножкам фракиянки, он надел одну за другой.

Она улыбнулась.

Он заметил эту улыбку.

– Да, – сказал он, – Амазис, царь царей, служит тебе как раб. Что ты дашь ему, Родопа, взамен его забот?

— Такое наслаждение, какого он не вкушал никогда, и подобного которому он никогда не испытает! — гордо возразила Родопа.

Последствия доказали, что она больше чем сдержала свое обещание.

Шесть часов прошло с того времени, как Амазис и Родопа остались вместе, ночь близилась уже к своему концу... Вскоре солнце должно осветить Мемфис...

Солнце!

А царь поклялся, что прекрасная фракиянка проведет с ним одну ночь, одну только ночь!

Одну только ночь! Но почему эта ночь не может быть продолжительнее прочих ночей?

Настанет день... Пускай настанет! Для Амазиса и Родопы продолжится ночь...

Следовало только пожелать... А они желали.

Амазис позвал невольника.

— Эти лампады тухнут... Оживи их!

Раб повиновался. Он снова наполнил ароматным маслом бронзовы чаши, и заменил обуглившиеся светильни новыми.

— Хорошо! Принеси сюда ужин!

Амазис мог бы сказать «завтрак». Правда, ночью не завтракают, а ужинают.

Подали ужин. Роскошный ужин щедро орошенный винами Финикии и Греции.

— Оставьте нас! — приказал царь.

Стол уставленный блюдами, чашами, амфорами, цветами, исчез...

— Я люблю тебя Родопа, — сказал Амазис.

— Царь, я люблю тебя, — ответила она.

И так продолжалось три ночи и два дня,— два дня смешались с тремя ночами, или лучше сказать, два дня с этими тремя ночами составили одну в шестьдесят часов.

Истинно ночь царственной любви.

Супруга и две тысячи наложниц Амазиса были на сто верст от истины. Но опять-таки точный закон этикета египетского двора воспрещал проникать в спальню царя ранее того, как он изъявит желание встать.

И так, потому что он не встал, потому что под предлогом, что для него не существует дня,— он продолжал покоиться на ложе. Каждые шесть часов он посвящал нисколько минут на то, чтобы приказать зажечь лампады и подать ужин.

— Но нет причины, чтоб этому был конец! — проговорила царица.

— Эта чужестранка — волшебница!.. — кричали две тысячи наложниц.

— Да, — подтверждала Гермонтия, — это волшебница! Совершенно неестественно иметь такую маленькую ногу, как у неё... Это демон, овладений душой и телом моего супруга! Дорогой Амазис, мы тебя больше не увидим!.. Или, когда увидим, если это продолжится, — что останется от тебя — призрак! Несчастье! несчастье!

— Несчастье! несчастье! — повторяли две тысячи женщин.

Если б это имело конец! Все имеет конец, даже ночи царственной любви.

Прошло шестьдесят часов; утром Амазис позвал своих комнатных служ, вел им открыть окна спальни и оделся...

В это время, в соседней комнате, Родопа, вспомоществуемая эфиопскими невольницами, также одевалась.

Когда туалет ее был окончен, ее привели к царю, который сказал ей с оттенком нежности и быть может сожаления, умеренного величием.

— Родопа, мы с тобой больше не увидимся. Но прежде чем расстаться я должен отплатить тебе за то счастье, которым ты меня дарила. Я даю тебе три милости. Говори, чего ты желаешь?

— Прежде всего, о царь, свободы, — ответила фракиянка. — Я невольница Манефты из Навкатриса.

— Ты более не невольница! Дальше?

– Потом, если боги будут столь милосердны, что дозволят мне прожить довольно долго, чтобы выполнить мой проект, – я прошу права воздвигнуть на песчаной равнине, близ пирамид Гермеса и Псамметиха I-го, третий, подобный им монумент на мой счет, который будет носить мое имя.

Амазис иронически наклонил голову.

– Ты, кажется, забыла, – сказал он, – что для того, чтобы построить подобную гробницу, мало быть царем, то есть существом которому боги вручили все могущество и все богатство... а ты...

– Я женщина без богатства и власти. Ты заблуждаешься царь! Мое могущество, против которого ничто не устоит, здесь... и здесь...

Родона постепенно касалась пальцем своих уст, еще влажных от поцелуев, своих очей, еще полных страсти. Она продолжала:

– Что касается моего богатства... признай что смертная, имевшая счастье провести 60-часовую ночь с Амазисом, царем царей, – с того времени может одним взглядом осчастливить не только мужчин этой страны, но даже мужчин всех стран, которые почтительно принесут золото к ее ногам.

Амазис поклонился. Все охотно соглашаются с рассуждением, которое льстит суетности.

– Действительно, отвечал он, – если рассматривать вещь с этой точки зрения, я признаю, что от тебя зависит вскоре иметь громадное богатство. И так, я позволяю тебе выстроить пирамиду возле пирамиды Гермеса и Псамметиха I-го. Какой же ты желаешь третьей милости?

В кедровом ящике, около Родопы, возвышался голубой лотос. Коснувшись его пальцем, Родопа скромно проговорила:

– Позволение сорвать и сохранить этот цветок в воспоминание твоей благосклонности...

Физиономия Амазиса осветилась самой ласковой улыбкой. Удовольствоваться цветком за шестьдесят часов сладострастия – это было и восхитительно, и грациозно, и ловко...

– Так как он тебе правится, – возьми его, сказал царь. – Но завтра он перестанет существовать. Вот другой, который не завянет, – другой, – помни, – если когда-либо твоя жизнь будет в опасности, тебе будет достаточно прислать его ко мне, чтобы моя рука распростерла над тобой покров спасения.

Проговорив эти слова Амазис отделил, сломив ветку, от золотой вазы удивительно сделанный цветок и подал его Родопе.

– И это еще не все, – прибавил он. – Царь не довольствуется тремя милостями, из которых одна заключается в подарке двух цветков, – он простирает далее свое великодушие к женщине, которую он любит. Я тоже хочу помочь тебе в постройке пирамиды. Следуй за Имбульдом; он проведет тебя к Мозуаху, моему казначею, который даст тебе во сто раз больше золота, чем может поместиться в твоих туфлях. Прощай!

И в последний раз подарив улыбкой предмет своей прихоти, царь удалился.

Туфли Родопы были очень малы, но когда они были сто раз погружены в царскую сокровищницу и вынимаемы наполненными, то в ней образовалась очень заметная пустота.

Нужно было двух человек, которые снесли бы эту массу металла в колесницу, которая отвезла Родопу в Навкатрис, где в тот же день она купила великолепный дворец.

И угадайте, кто был первым любовником Родопы, который в виде золотых слитков положил второй камень для ее пирамиды? Второй потому, что первый был дан Амазисом.

То был Манефта, весьма еще довольный получить за эту цену благосклонность той, которая три дня назад была его невольницей.

Едва прошло пять лет, и Родопа уже обладала почти всей суммой необходимой для постройки пирамиды.

Она рассчитала верно; её любовное приключение с Амазисом произвело шум. Сначала весь Египет доставлял ей любовников; затем настала очередь других стран...

Каждый день из Греции, Италии, Персии, Китая появлялся в Навкатрисе какой-нибудь любопытный путешественник, желавший насладиться восхищением при виде прелестей этой женщины, из любви к которой могущественный царь, изменив порядок природы, заставил ночь продолжаться шестьдесят часов.

Еще год или два, и куртизанка, успокоившись на лаврах, могла бы дать приказание начать постройку своей гробницы.

Обожаемая при жизни; уверенная, что после смерти она упокоится, как царица, под массивной гранита и мрамора... Какое настоящее и какая будущность для дочери бедного фракийского рыбака! Ибо таково было происхождение Родопы. Отец её был рыбаком в Адере.

И все таки не смотря на все благосостояние, Родопа часто бывала задумчивой. Часто, утром, проснувшись и созерцая из окна своего дворца далекие небеса, или гуляя вечером одна по тенистым аллеям своего сада, она часто о чем-то вздыхала.

Чего же не доставало ей?

Мести.

Кому она хотела мстить? Кто оскорбил ее?

Если вы забыли, то она помнила.

То был Эзоп; она хотела отомстить ему.

«Увидеть его... наказать... и умереть!..» – думала она.

Но увидит ли она его? Зная о его наклонности к путешествиям, она надеялась, что он приедет в Египет. Начинался шестой год... Она теряла надежду

То была с ее стороны ошибка. Однажды, богатый вавилонянин Агзер, только что прибывший в Навкатрис, первой заботой которого было представиться прекрасной куртизанке, сказал ей:

– Я путешествовал с одним господином, который говорил мне о тебе.

– Как его зовут?

– Эзоп.

Фракиянка прыгнула к вавилонянину.

– Ты путешествовал с Эзопом?

– Да, и даже был очень рад, потому что это человек ученый. Он был в большом уважении в Вавилоне.

– А что он говорил обо мне?

– О! Ничего, чего бы не знал весь свет. Это преимущество знаменитостей интересовать малейшими подробностями их жизни.

– Ну?

– Он говорил, что ты была невольницей вместе с ним в Самосе, у одного купца, по имени Иадмон.

– Потом?

– Всё. Разве он мог мне сказать больше этого?

– А где он теперь? – спросила Родопа после некоторого молчания, не ответив на вопрос Агзера.

– В Мемфисе, при дворе царя.

– Хорошо. Я тебе очень благодарна.

Итак, Эзоп говорил о ней. Он, стало быть еще думает о ней. Но после того, что некогда произошло между ними, он не осмелится явиться в тот город, где она живет.

Нужно, чтоб он явился.

Необходимо даже, чтоб он явился к ней, в ее дворец.

Несколько месяцев тому назад, она купила арабского невольника, по имени Безелеэль, которого она сделала своим кравчим.

Этот невольник был необыкновенно красив; куртизанка заметила это, и не раз замечала она, что когда он думал, что она не наблюдает за ним, он стоя сзади нее и скромно наливая вино в золотую чашу, которую она подавала ему через плечо, обнимал ее взглядом, который должен бы был ее сжечь, если б, по ремеслу, она не была несгораемой.

Родопа призвала Безелеэля в павильон, возвышавшийся по средне сада, где она имела привычку отдохнуть во время жаркого дня.

Она полулежала на диване. Одежду ее составляла туника из белого газа, украшенная черными перлами, которая как облако обвивала её прелести, не скрывая их.

В одной руке она держала ветку нимфеи, в другой лист папируса, на котором было начертано нисколько строк по-гречески.

Безелеэль вошел, и против воли испустил крик восторга.

— Что с тобой? — сказала Родопа.

— Я жду приказаний госпожи, — пробормотал колено — преклонный невольник.

Но она, рассматривая его с странной улыбкой, и дотрагиваясь до его лба концом своей ветки, спросила:

— Так ты находишь меня прекрасной?

Он задрожал.

— Отвечай, я тебе приказываю. Ты находишь меня прекрасной, и любишь?

Подняв тихо голову, он коснулся губами цветка, который не был отдернут.

То был ответ...

— И так, — продолжала Родопа, — будь проворен, благо — разумен и ловок, и я сделаю для тебя в действительности то, о чем тебе могло только сниться. Ты видишь эту записку?

— Да, госпожа.

— Она адресована к одному фригийцу, Эзопу, который находится в настоящее время при дворе в Мемфисе. Я хочу, чтоб ты сегодня же отправился в Мемфис. Я хочу, чтоб ты сегодня же говорил с Эзопом. Я хочу, чтоб сегодня же ты привел его сюда. Ты слышал?

— Да, госпожа.

— Ну?

— Живой или мертвый, сегодня фригиец Эзоп будет здесь.

— Хорошо... Возьми колесницу и двух лучших моих коней. Я жду! Ступай. Вот это тебе...

Но не дари ему все свои поцелуи; оставь для меня...

Опьяневший от любви и надежды, Безелеэль поднял цветок, который бросила ему Родопа и исчез из павильона.

Через нисколько минут он мчался по дороге в Мемфис.

Уже восемь дней Эзоп был при дворе Амазиса, обращавшегося с ним со всем уважением, какое принято оказывать мудрецу, который поучает и забавляет. Ибо Эзоп, — и это было одно из немалых его достоинств, — имел дар преподавать нравственность под пленительной формой; его басни, которые рассказывал он, были настолько драматичны, что их не уставали слушать.

Он шел с царской аудиенции, когда один из дворцовых служителей уведомил его, что один человек, только что приехавший из Навкатриса, желает передать ему какое то поручение.

Из Навкатриса! поручение от Родопы! Что могла она ему сказать?

Следуя благоразумию, Эзоп должен бы отклонить принятие посла, но мы знаем, что в действиях своей жизни большинство тех, которые упражняются в философии, управляются не рассудком.

— Где этот посланник? — спросил он.

Отыскали Безелеэля.

Он передал фригийцу письмо. Письмо это заключало в себе следующее:

«Я тебя ненавидела; но я счастлива, а счастье делает благосклоннее; я тебе простила. Когда ты так близко, неужели ты откажешься пожать руку той, которая любила тебя одну минуту.»

Родопа

Эзоп колебался снова. Тайный голос говорил ему, что прощение Родопы – ложь, что это письмо – ловушка.

Но Безелеэль, который не переставал смотреть на него, пока он читал письмо, видя его нерешительность, сказал:

– Родопа плакала от радости, когда ей сказали, что ты в Мемфисе, Эзоп.

– Правда? – возразил последний. – Она плакала от радости?

– Да. Но если ты отвергнешь её просьбу, эта радость превратится в ярость, и я буду первой жертвой. Из жалости ко мне, если не из дружбы к ней, едем!

Можно извинить его слабость; Эзоп более не упорствовал.

– Я следую за тобой, – сказал он.

Родопа приняла своего первого любовника в самой великолепной зале своего дворца. Как только он переступил порог этой залы, куртизанка встала с кресла из слоновой кости, на котором она отдыхала и направилась к нему, сияющая, обольстительная от радости.

– Привет гению! – сказала она, – привет Эзопу!

Потом она взяла его за руку и посадила на такие же кресла, рядом с собой.

Тотчас двенадцать арфисток, стоявших вдоль стены, заиграли праздничную песнь, тогда как двадцать танцовщиц исполняли вокруг своей госпожи и ее гостя танец, выражавший радость.

Время от времени инструменты замолкали; танцовщицы становились неподвижными.

Тогда, как будто по волшебству, во всех концах дворца, на дворе, в саду раздавался крик, испускаемый тысячью голосов: «Слава и долгие дни, Эзопу!

Принц, склоняющийся под тяжестью своего золота, не лучше принимался куртизанкой. Эзоп покраснел до самых ушей.

– Довольно, довольно, – говорил он Родопе.

– Почему? – отвечала она. – Тебе воздают только почести, которых ты достоин. Это гораздо менее того, чего домогаются цари, когда удостаивают отдохнуть в бедном доме куртизанки.

В бедном доме. Эзоп находил Родопу скромной. Роскошь её дворца спорила с роскошью дворца Амазиса.

Концерт и танцы, перемешивавшиеся с восклицаниями, продолжались около часа. Фригиец начинал находить, что довольно.

Наконец Родопа сказала:

– Не хочешь ли, Эзоп, разделить мой скромный обед?

– Охотно. Тем более охотно, что я завтракал очень рано...

Родопа ударила три раза в ладоши; арфистки и танцовщицы удалились, сменившись толпой нубийских и эфиопских невольников, внесших громадный стол, уже сервированный, который они поставили среди залы.

Мясо всякого рода, рыба всех сортов, горы пирогов, горы фруктов, – тут было чем накормить целую армию.

«Если это называют скромным обедом, – подумал Эзоп, – каковы же большие пиршества? Она немного хвастает, но я поступил бы неловко, если бы стал критиковать это чрезвычайное изобилие, которое так кстати.

И фригиец весело сел за стол, за которым вел себя как следует мудрецу, т. е. ел и пил отлично, он особенно воздал должное пальмовому вину... Великолепное вино! Он похвалил его Родопе.

— В погребах у меня сто бочек этого вина, — отвечала она. — Оне все в твоём распоряжении. Всё, что здесь, принадлежит тебе, Эзоп.

— Всё? — повторил он с особенным ударением.

— Всё, — отвечала она, не опуская глаз перед пламенным взглядом своего гостя.

Дело в том, что пары пальмового вина отуманили голову Эзопа, расположенного вполне воспользоваться гостеприимством своей прежней любовницы. Всякие сомнения совершенно исчезло в нем. Очевидно, что Родопа не питала никакой неприязни к прошлому; доказательством служило её поведение. к чему он будет вспоминать о том, что она забыла?

К тому же она так прекрасна! прекраснее, чем прежде!

Как будто проникая в мысль фригийца, Родопа приблизилась к нему и сказала:

— Не хочешь ли прогуляться со мной по саду?

— С тобой — всегда и везде! — с живостью воскликнул он.

Она взяла его под руку, как в Самосе у Иадмона; они сошли по мраморной лестнице, прошли широкую галерею и очутились в саду. Была ночь; одна из тех ночей Египта, светлых и чистых как воды священного Нила. В саду воздух был наполнен ароматами цветов. Несколько минут они молча прогуливались, без сомнения Родопа ждала, чтоб Эзоп начал разговор, а Эзоп чувствовал какую то неловкость, какое то смятение...

Влияние воздуха освежило его мозг. Он боялся западни. Готовый сказать этой женщине, некогда так оскорблённой им,— «Я люблю тебя!» он страшился, что вдруг она, прекратив ломать комедию, воскликнет: «А я тебя презираю!»

Но нет, при повороте в одну аллею, когда Родопа склонила к нему свою головку, чтоб защитить лицо от прикосновения одной ветки, — Эзоп напечатлел на этом лице поцелуй.

Она не рассердилась. Напротив. Она оставалась наклоненной, отдаваясь поцелую. Лед был разрушен.

«Люблю тебя, — прошептал он. ... _

«Люблю» — прошептала куртизанка.

И второй, третий, десятый поцелуи были даны и взяты.

Но удерживая свою нежность.—

— Войдем, — сказала она.

— Войдем, — повторил он.

Не целую же ночь было оставаться в саду.

Они возвратились во дворец, взошли по мраморной лестнице, вступили в небольшую залу, в глубине которой была дверь, куда исчезла Родопа, — приглашая прелестным жестом своего любовника потерпеть.

Терпение... у него оно есть. Она с ног до головы вооружила его терпением. Она в спальне, куда вскоре позвовут его. Это совершенно ясно.

Действительно, вскоре дверь этой комнаты растворилась.

— Войди Эзоп! — послышался голос Родопы.

— Я здесь.

И он вошел... но для того, чтоб остановиться, как вкопанный; как пораженный громом.

Что же он увидел?

Он увидал Родопу на ложе в объятиях другого мужчины. В объятиях Безелеэля.

Родопа кричала ему, смеясь безумно.

— Со всей своей мудростью, Эзоп, ты — дурак. Я играла с тобой. Я тебя больше не люблю!..

Смотри, тот, кого я прижимаю к груди,— невольник, но я предпочитаю его тебе!.. Ха, ха! Ты

меня оставил тогда; сегодня моя очередь: я выгоняю тебя, славный Эзоп, посмеявшись над тобою...

История Родопы после её последнего свидания с Эзопом представляет мало интересного.

Куртизанка насытила единственное пылкое желание, которое оживляло её на земле, — с тех пор, когда принадлежа всем она не имела желания принадлежать никому;— желание мести.

Исполнив это, ей оставалось заняться только выполнением желания укрыть, когда смерть поразит её, своё тело в гробнице, подобной которой до неё не обладала ни одна женщина и ни одна после неё не будет обладать.

Говорят, что постройка пирамиды Родопы продолжалась тридцать лет, что она нанимала 370 000 работников и стоила на наши деньги *десять миллионов* рублей.

Это вполне возможно, если представлят массу камня и мрамора, из которого состояла эта пирамида, и который привозили за двести лье, от того места, где она строилась.

Во всяком случае это доказывает, не только что любовники Родопы были щедры, так как, благодаря им, она приобрела десять миллионов, чтобы воздвигнуть себе пирамиду, но также и то, что она умерла уже не молодою, потому что она дождалась окончания строительства, чтоб уснуть в ней.

Тридцать лет. Родопе должно было быть по крайней мере пятьдесят, когда тщательно набальзамированная по египетскому обычаю, и обернутая с головы до ног бумажными тканями, с лицом покрытым картонажем, оно сошла в залу смерти своего гигантского саркофага.

А эти пятьдесят лет, — долгая жизнь для куртизанки, — все ли они были посвящены только любви?

Нет.

Нет такой дурной книги, в которой не нашлось бы хоть одной хорошей страницы, ни жизни, в которой не встретилось бы хоть одного доброго дела.

Вот доброе дело Родопы.

Известно какую важность для Египта имеет ежегодное разливание Нила.

Во времена Родопы, в ту эпоху, когда живительные воды начинали увеличиваться, существовать обычай, необыкновенно украшать молодую девушку, избранную среди самых красивых, и бросать ее в реку, которую, таким образом, надеялись сделать милостивой.

Если она достигала желаемого уровня,—значить жертва была для неё приятна, если не достигала или превышала этот уровень, что было столь же гибельно,—значило что жертва, предложенная реке, была её недостойна.

Теме не менее и в том и в другом случае молодая девушка бывала утоплена.

И вот, в один год, была избрана жрецами или иерофантами, Нофре из Навкатриса, как имеющая быть отданной богу реки. Нофре, дочь Зоры, была алмэ, посвященная служению внутри храма Венеры Арсиноэ. Ей не было еще семнадцати лет; она была прекрасна; ей так хотелось жить!

Но такова была сила предрассудка, что когда, гордая честью оказанною ею дочери, быть убитой ради общественного блага, сама мать объявила ей о решении судей, Нофре едва осмелилась выразить слезы.

Случайно, в эту минуту, Родопа проходила мимо храма: она увидела Нофре печальной и бледной, разговаривающей с своей матерью... Она обратилась с вопросом к обеим женщинам...

— Моя дочь обручена с Нилом, — сказала ей Зора.— Понимаешь ли ты нашу радость?

— Твою... да... я ее читаю в твоих глазах, — возразила Родопа; — но радость Нофре для меня сомнительна. Будь искренна Нофре. На самом ли деле, так восхищает тебя твое посвящение Нилу?..

Нофре не отвечала ничего; она страшилась гнева богов и особенно матери.

— Говори же, — нежно продолжала куртизанка,— говори без боязни. Если тебе не хочется умереть, — я спасу тебя, — я!

Родопа еще не кончила, как алмэ, вскричала, обнимая её колена: «Спаси меня!»

Церемония должна была происходить на другой день. Родопа немедленно отправилась в Мемфис.

Амазис был во дворце, когда ему подали папирус, к которому пурпурной лентой был прикреплен золотой цветок.

— Что это? — сказал он.

Уже несколько лет прошло со времени его приключения с красавицей в туфле; вид выонка, им отделенного от вазы и данного любовнице на шестьдесят часов, не напоминал ему ничего.

Но на папирусе он прочел эти слова:

«О царь, любимец богов! я прошу у тебя жизни не для себя; мне ничто не угрожает, но Нофре, дочь Зоры, прислужница при храме Венеры Арсиноэ, завтра должна быть принесена в жертву Нилу.»

Родопа

— Перо! — вскричал царь.

И внизу, под именем Родопы он начертал.

«Я дарю жизнь Нофре, дочери Зоры; пусть возьмут другую алмэ в супруги Нилу.»

Амазис

Только гораздо позже этот недостойный обычай был уничтожен в Египте.

Хоть мы не знаем наверно, когда и как умерла Родопа, мы однако можем рассказать, каков был конец Амазиса.

Сирия, принадлежавшая тогда Египту, взбунтовалась. Амазис

во главе своего войска пошел на неё войною, и в ней вскоре было восстановлено спокойствие. Между тем, чтоб вполне восстановить порядок в этой провинции и предупредить какое-нибудь новое восстание, царь решил остаться в ней на целый год. А так как он полагал, что супруга и его две тысячи наложниц соскучатся в его отсутствие, он повелел им прибыть в Дамаск.

К несчастью он пренебрег приказанием привезти своего льва с голубыми глазами... Громадная ошибка после предостережения мага!..

На самом деле, в Дамаске, пользуясь отсутствием верного телохранителя, две тысячи пренебрегаемых женщин исполнили преступное намерение, скрываемое ими долгие годы втайне. Они напали на царя во время его сна и изрезали его на куски.

Но какое же безумие — брать на себя такую обузу из двух тысяч женщин, «до которых не касаться даже пальцем», как хвалился этим царь Амазис! В самом деле это поистине безумие.

Клеопатра

Клеопатра. Микеланджело Буонаротти

То было после знаменитой Фарсальской битвы, которая, подчинив Римскую республику Цезарю, сделала его полным обладателем мира.

Эта битва была решена ничем. Но это *ничто* было гениально. Цезарь приказал своим солдатам ударить во фронт кавалерии, долженствовавшей начать битву. Эта кавалерия почти вся состояла из молодых людей, желавших сохранить привлекательность свою на лошади: они стыдливо правили удилиами. Семь тысяч из них бежало перед шестью когортами. Помпей оставил на месте пятнадцать тысяч своих воинов; Цезарь только тысячу двести.

Милосердие победителя к побежденным привлекло под его знамена столько солдат, что он был в состоянии начать немедленное преследование.

Помпей переплыл Геллеспонт с намерением бежать в Египет, к Птолемею-Дионису, обязанному ему своей короной. Но что такое благодетель, вчера могущественный, а нынче просящий пристанища? Птолемей-Дионис был негодяй, как большинство фараонов этой расы; в смерти Помпея он видел средство войти в дружественные сношения с Цезарем. Поэтому он назначил двух своих приближенных для встречи Римского полководца. Несчастный Помпей, сопровождаемый полдюжиной солдат и отпущенниками, взошел на барку, назначенную для перевозки его на твердую землю; почти тотчас же, в глазах его жены, которая с корабля, на котором он ее оставил, следила за ним взором, двое убийц, Ахилл и Септимий, – бросились на него и поразили кинжалами.

Тело его несколько дней оставалось непогребенным на берегу моря; наконец один из его отпущенников и один солдат, воспользовавшись темнотою ночи, сожгли его и покрыли пепел песком и камнями.

Таков был конец того, кто был соперником Цезаря.

Однако Помпей имел право на более достойную гробницу, и тот же самый Цезарь поспешил отдать ему последний долг и отмстить за него неблагодарному негодяю.

Мы уже говорили о Египте, по поводу истории Родопы. Но Родопа жила за шестьсот лет до Р. Х., тогда как Клеопатра была почти современницей величайшей эпохи.

Александрия, один из редких городов великого Египта, противилась разрушительному действию времени и особенно людей. Имя её сохранилось, хотя в настоящее время она занимает не то место, какое занимала прежде.

Построенная Александром Великим, по рисунку знаменитого архитектора Финократа, Александрия находилась на левом берегу Нила, в тридцати милях от Средиземного моря, и выше Пирамид.

Мы не станем подробно описывать какой она была во времена Клеопатры; мы войдем в нее вместе с Цезарем, который хотел узнать в этом городе о Помпее.

Принятый с великой пышностью, при высадке на берег в порте Евноса, самим Птолемеем-Дионисом, Юлий Цезарь взойдя на носилки вместе с царем Египта направился ко дворцу этого последнего. На дороге двумя знаменитыми личностями не было произнесено ни слова о цели их союза. Но если они не говорили ни слова, во всяком случае Цезарь и Птолемей не теряли времени. Меняясь по временам ничего не значащими фразами, они наблюдали, изучали и анализировали друг друга.

Легкая задача для Птолемея. Лице Юлия Цезаря, это прекрасное и полное, белое лицо, с черными живыми глазами, – было открытой книгой, в которой можно было прочесть рассудительность, веселость и храбрость.

Напротив, голова египетская царя, – продолжим наше сравнение, – была закрытой книгой. Едва достигнув 18-ти лет, очень красивый, но красотой холодной и мрачной, он прежде всего внушил Фарсальскому победителю неясное но глубокое отвращение. С своим знанием людей, Цезарь угадал в нём злобного и лукавого человека.

Случай не замедлил доказать ему, что его предчувствие было справедливо.

Наконец они достигли дворца, в котором царь Египта подготовил великолепное помещение для своего славного гостя.

Цезарь удалился на некоторое время, чтоб поправить беспорядок своей одежды, ибо он заботился о своем туалете столь же внимательно, как и о своей личности.

Птолемей встретил его, сопровождаемый своими офицерами, и провел в залу, где был приготовлен пиршественный стол.

Но Цезарь терял терпение, желая узнать об участии Помпея.

Знаком пригласив царя удалить свиту, он грубо спросил:

– Что ты мне скажешь о Помпее, Птолемей?

– Все, что ты, Цезарь, пожелаешь узнать, отвтитил царь.

– Я желаю знать все. Он в Египте?

– Да.

– Быть может в Александра?

– Да.

– Пленником? Ты понял, что я его преследую? Ты поступил благоразумно, уверившись в нем, когда он явился просить у тебя убежища.

Птолемей зловеще улыбнулся и проговорил после некоторого молчания:

– Я сохранил для тебя, Цезарь, большую радость, но ты не желаешь ждать, и я удостоверю тебя. Я покажу тебе как поступает Птолемей с твоими врагами.

Сказав это, царь удалился. Когда он явился снова, его сопровождал Потин, начальник его евнухов, несший спокойно предмет покрытый пурпуром.

Уже взволнованный дурным предчувствием, Цезарь встал и поднял покрышку.

И тотчас испустил крик ужаса. Ему была принесена тщательно набальзамированная голова Помпея.

Отрицали горесть Юлия Цезаря в этом случае, но ошибались. Он был горд, но не жесток.

Ясно, что он воспользовался преступлением, но не сам совершил его.

– О, Помпей, Помпей! – стонал он, склоняя свой лысый лоб, пред этими плачевными останками его врага.

И обратясь к Птолемею, несколько смущенному подобным изъявлением приготовленной римскому полководцу радости, сурохо сказал ему:

– И так, когда он явился, рассчитывая на твою благодарность, к твоему очагу, – ты принял его убийством?

Птолемей закусил губы.

– Признаюсь, – возразил он, – я не ожидал от тебя, Цезарь, подобных упреков! Но если б я оставил жизнь Помпею, он неминуемо стал бы уговаривать меня сражаться вместе с ним против тебя. Разве ты желал, чтоб я сделал подобную штуку?

Цезарь замолчал. Доводам не доставало справедливости. Но что справедливо, не всегда бывает приятно.

К инстинктивному отвращению, которое с первого раза внушил ему Птолемей, в этот час у диктатора прибавилось презрение к этому царю, который так строго прилагал поговорку: *Vae victis!* Горе побежденным!

Тем не менее он размыслил, что не время выражать свои чувства, и смягчив выражение своего голоса и лица, ответил:

– Ты, быть может, прав... Часто встречаются жестокие, роковые необходимости. Спасибо же за твой гробовой подарок. Я постараюсь, насколько буду в силах, поправить то зло, которое ты сделал.

И после этого заключения, Цезарь, приказав чтоб голову Помпея поставили в верное место, отправился с царем в пиршественную залу.

Пир этот был великолепен, но не доставало главного, чтобы он был весел: недоставало женщин.

Диктатор выразил свое изумление.

— Где же царица? — спросил он.

Он знал, что брат настоящего Фараона,— Птолемей Авлет,— умирая, завещал трон своему старшему сыну Птолемею— Дионису, с условием, чтоб он разделил его со своей сестрой Клеопатрой, старше его на три года, которая по странному обычаю египтян должна была выйти за него замуж.

И этот союз был совершен на самом деле.

Но о чём Цезарь не знал, и что узнал вкратце от своего хозяина, а позже, подробно, от других лиц, заключалось в том, что через несколько дней после свадьбы, царствуя вдвоем, он заметил, что если он не примет мир, то его супруга и сестра может устроить таким образом, что будет царствовать одна. Птолемей-Дионис торжественно развелся с Клеопатрой, по причине несходства характеров, и изгнал ее в Сирию.

При объяснениях царя по этому предмету, Цезарь хранил благоразумнуюдержанность. Птолемей-Дионис не мог жить с Клеопатрой; он развелся с нею, изгнал ее... Так что же?... Не Цезарю, который сам развелся с своей первой женой, следовало требовать объяснений, почему другой муж отправил прогуляться свою.

Но через несколько недель, когда, под тем предлогом что он стесняет царя в его дворце, он поселился рядом, под охраной своих солдат, диктатор изменил свой язык.

Друзья Клеопатры, и между ними особенно Аполлодор,— объяснили ему поведение египетского царя. В своем завещании Птолемей Авлет назначил также римский народ своим наследником. Цезарь, как представитель этого народа, вознамерился поддерживать его права. Он объявил себя судьей несогласий существующие между Птолемеем и Клеопатрой, и приказал одному сам, а другой через посольство, явиться к нему.

Птолемей повиновался, увереный, что сестра не осмелится презреть его гневом, явившись в Александрию.

И Клеопатра не была столь глупа, чтоб пренебрегать опасностью, которой она неизбежно подверглась бы. Египетская стража, охранявшая городские ворота, была предупреждена, что если бы появилась изгнанная царица, то с ней должны были поступить как с бунтовщицей.

И Птолемей бы поквитался извинением, как за убийство Помпея...

Но мы сказали, что Клеопатра имела друзей в самом городе, среди которых одним из самых преданных был всадник, по имени Аполлодор.

Однажды, ссылаясь на необходимость покупок, Аполлодор отправился в Ракотис, откуда возвратился вечером, неся на плечах превосходный ковер.

Столь прекрасный, что он объявил желание предложить его Римскому полководцу,— великому любителю хороших вещей.

Ковер для Юлия Цезаря! Египетские солдаты, стоявшие на страже у ворот Ракотиса, не имели и тени мысли остановить Аполлодора с его ношей.

Скажем, между прочим, что этот Аполлодор был чем-то вроде гиганта-Атласа, с плечами способными, подобно плечам его образца, поднять весь свет.

И он нес также целый мир, закутанный в ковёр. Мир под формой женщины.

То была Клеопатра.

Было поздно; Цезарь готовился лечь спать, когда один из его отпущенников подал ему папирус, содержащий следующие слова на латинском языке:

«Ты звал меня, чтоб воздать мне справедливость. Я здесь».

Клеопатра

Позади отпущенника в комнату диктатора вошел Аполлодор, и положил перед ним свою ношу, которую поспешил развернуть.

Была пора; Клеопатра задыхалась под тяжелыми складками шерстяной материи. Ея члены, онемевшие от слишком долгого бездействия, были неподвижны.

Лице её было покрыто, бледностью.

Цезарь преклонил пред ней колена и воскликнул:

– Боги! как она прекрасна! – она полуоткрыла, истомленные глаза, но лицу её промелькнула улыбка.

«Как она прекрасна!» Диктатор употребил самое лучшее средство, чтобы привести ее в чувство.

Если верить историкам того времени,— Плутарху, Аппиану Александрийскому и Диону Кассию,— то Клеопатра (чтобы ни говорил Цезарь) не обладала необыкновенной красотой.

Но за недостатком правильности черт, она имела прелесть, грацию, ум... При том же она была очень ученой, она говорила на многих языках, и особенно обладала искусством пленять.

А Цезарь был одним тех которые ничего лучшего не желают, как быть плененными женщиной. Он обольстил большое количество знатных женщин и между прочим: Постумию, жену Сервия Сульпиция, Лоллию, жену Авла Габиния, Тертулину — супругу Марка Красса и даже Муцию, супругу Помпея; но он особенно любил Сервилию, мать Брута.

По-видимому, он не очень уважал супружескую постель и в провинциях, если прислушаться к току, что пели его солдаты во время его триумфа по возвращении из Галлии:

«Римляне, бойтесь!.. к вам мы ведем разврата лысого,
В Галлии деньги он все растерял, что отсюда принес, на
любовниц.»

Гельвий Цинна, народный трибун, уверял многих, что имел в своих руках совершенно готовый, пересмотренный закон, который он должен был исполнить в отсутствие Цезаря и по его повелению, закон, дозволявший Цезарю жениться, по его выбору, на стольких женщинах, на скольких он захочет, чтоб иметь наследников. А для того, чтоб никто не сомневался в том, что он имел репутацию разврата, Курион отец называл его в своих разговорах «мужем всех жен и женой всех мужей».

Курион отец был клеветник, как нам хочется думать,— но нельзя отрицать, что Юлий Цезарь обожал множество женщин.

Между прочим и Клеопатру. И эту последнюю с первой минуты, как только ее увидел. Сознаемся, что все способствовало тому, чтоб зажечь любовь в сердце будущего императора.

Друг столь же скромный, сколь физически сильный, Аполлодор удалился при первой улыбке Клеопатры Цезарю...

Они были одни... Одни в одну из тех сладостных ночей, которые бывают только в Египте.

Он перенес ее на постель, потому что она не могла еще стоять. Сидя подле нее, он каждую секунду жег её маленькие ручки поцелуями.

Она улыбалась.

– И ты не боялась явиться ко мне таким образом? — наивно спросил он.

– Разве я ошиблась? — возразила она.

– О, нет!

– Птолемей убил бы меня прежде, чем бы позволил увидеться с тобой.

– Убить тебя? такую прекрасную!

– Таково его убеждение, потому то он и изгнал меня!

– Он глупец!

– Я тоже думаю.

– Он зол!

– Я, думаю, тоже.

– Негодяй и дурак, который должен быть строго наказан!..

Клеопатра на этот раз минуту колебалась. То было беспокойство совести. Этот глупец, этот негодяй был все таки её мужем и братом.

Но уже два раза подтвердив слова Цезаря, могла ли она ему противоречить.

– Я думаю то же, – повторила она.

И вдруг, притворяясь как бы испуганной странностью своего положения, она вскричала, вскакивая с постели:

– Но я злоупотребляю твоей добротой, Цезарь. Я мешаю тебе.

– Куда ж ты хочешь идти? – возразил диктатор, тихо удерживая ее.

– Куда-нибудь, где я не стесняла бы тебя…

– Но разве я жалуюсь? И к чему ты говоришь мне о сне? Неужели ты думаешь, что я могу уснуть увидав тебя?.. Останься!.. останься молю тебя!.. Нам еще нужно о многом переговорить с тобой… Для того, чтобы возвратить тебе трон, разве я не должен долго и много говорить с тобой?

Цезарь налег на слова «возвратить тебе трон». Взгляд Клеопатры зажегся ярким блеском.

Случайно, так по крайней мере казалось, в то время когда, она готовилась оставить постель Цезаря, с ноги ее соскочила туфля. Известно, какое магическое действие производит маленькая ножка женщины на чувства распутника. Нога Клеопатры, быть может, по совершенству линий не могла сравниться с ногой Родопы, в которую в свое время влюбился Амазис, но такая, какой она была: худенькая, узкая, выгнутая, она восхитила Цезаря, как самое сладостное обещание.

Клеопатра провела целую ночь с Цезарем.

На другой день, утром, один из офицеров этого последнего, явился к царю Египта, чтоб пригласить его немедленно явиться по важному делу к диктатору.

Важное дело заключалось, как можно предположить, в том, чтоб разделить трон с Клеопатрой, что Цезарь намеревался предложить Птолемею.

Можно вообразить удивление и ярость царя при виде сестры и жены в обществе Цезаря. Скрыв однако свои ощущения, он решился склониться перед царственной волей.

Но, едва возвратившись в свой дворец, он призвал Потина, начальника евнухов и первого министра, и Ахилла, одного из убийц Помпея и начальника египетских войск. В тот же день, тогда как Потин рассыпал по всему городу эмиссаров обязанных возбуждать народ против непредвиденной власти, – Ахилл во главе своих солдат наблюдал за жилищем Римского полководца. То была настоящая осада, исход которой мог бы быть гибельным для Цезаря, – у которого для обороны была одна только когорта, – если б Кассий, один из его подчиненных, которому он передал начальство над флотом, не был во время предупрежден и не поспешил бы с другой когортой на помощь Цезарю.

Ахилл был убит; солдаты его разбежались; сам Птолемей-Дионис, с целью избежать мщения попечителя Египта, бросившись на барку, чтоб достичь одного из портов Сирии, был задушен матросами, желавшими получить хорошую награду от Клеопатры.

То было божеское наказание. Убийца сделался жертвою своей собственной измены.

Через несколько дней после этого происшествия Клеопатра, выйдя замуж за своего другого брата, Птолемея Меннея, заняла свое место на троне Египта.

То был брак ради проформы. Мужу было только одиннадцать лет. Истинным мужем Клеопатры в течение почти целого года был Юлий Цезарь. Он был настолько мужем, что от этой вдвойне прелюбодейной связи родился сын, получивший от своего отца имя Цезариона.

Когда Цезарь с сожалением покидал Египет, то целуя лоб этого ребенка, он мог сказать ему этим поцелуем: «я буду императором, ты – царем: мы с тобой увидимся».

Тщетная иллюзия! Отец и сын никогда больше не видались. Чрез несколько лет Цезарь, не смотря на все свое могущество, пал от меча Брута.

Что касается Цезариона, то он не жил даже столько, чтоб гордиться своим рождением.

Страсть Юлия Цезаря к Клеопатре была столь сильна, что он пожелал видеть ее в Риме, вместе с ее молодым мужем. Клеопатра охотно повиновалась; она прибыла в Рим с таким великолепием, что народ начал роптать на эту царицу – данницу, выказывавшую такую роскошь. Невнимательный к упрекам своей законной жены, Цезарь поместил Клеопатру в своем собственном дворце и на всех публичных празднествах являлся с нею. Он сделал более: он велел знаменитейшему скульптуру того времени сделать статую своей любовницы, приказал отлить ее из золота и поставить в храме Венеры, как раз напротив богини.

Ропот римлян перешел в крики. Венера-Клеопатра не могла более выходить, преследуемая угрожающим гневом народа. Она сама упросила своего любовника отпустить ее в Египет.

Последняя ночь, которую они провели вместе, – рассказывает Аппиан, – была ознаменована дурачествами достойными быть может коронованной куртизанки, но недостойными императора.

Двадцать греческих невольниц, выбранных из самых красивых, привезенных с собою царицей, служили совершенно голые на ужине двух любовников и в то время, когда они пили и ели, эти невольницы толпились около них в самых сладострастных позах; наконец, опьяняемый от страсти, Цезарь, которого стесняли одежды Клеопатры, сбросил их с нее одну за другой; и ему нравилось сравнивать прелести царицы с прелестями ее женщин, и он порешил, что если две или три приближались к ней какой-нибудь частной красотой, – то ни одна не сравнилась в общем.

Нужно было расстаться. И Клеопатра даже не думала, что будучи далеко от Цезаря она будет забыта.

В числе подарков диктатора своей любовнице находились десять галльских стрелков. Египетская царица хотела вооружить войско по образцу этих стрелков; Цезарь дал ей десяток, избранный ею среди солдат, составлявших первую сотню когорты.

Но не из интереса к своей армии, а вследствие заботы о своих наслаждениях Клеопатра взяла с собой этих стрелков. Среди них был один, по имени Андроник, мужественная красота которого произвела на нее сильное впечатление. Чтоб обладать одним, она потребовала десять; Цезарь не мог и подозревать истинной причины ее желания.

Но удалившись от берегов Италии, она не имела нужды сдерживаться.

– Пусть скажут галльскому стрелку Андронику, что я хочу его видеть, – сказала она.

Андроник поспешно исполнил приказание царицы.

Этот сын Галлии был на самом деле великолепен; лет двадцати пяти, высокий ростом, с белокурыми волосами, падавшими локонами по обе стороны лица, из под волчьей шкуры – он был прекрасен,

Он стоял прямо перед царицей, возлежавшей на пурпурных подушках, защищенных навесом от палящих лучей солнца.

– Доволен ли ты, Андроник, что едешь со мной в Египет? – спросила она своим полным нежности голосом.

Он отрицательно покачал головой.

– Нет! – изумилась Клеопатра. – Ну что же, ты по крайней мере откровенен. А почему ты не радуешься увидеть Египет? Это прекрасная страна.

– Для меня одна только страна прекрасна: моя родина! – сказал галл.

– Как называется она?

– Я из города Тарба в Бигорре.

– Но что же там такого, о чём ты так жалеешь?

– Там есть горы и равнины, где я охотился на свободе, и зеленые папоротники, на которых я отдыхал; там есть быстрые ручьи, в которых я утолял жажду, всякие птицы, убаюкивавшие мой сон своим пением!

– Везде есть трава, источники и птицы!

— Ты ошибаешься, царица; не везде встречаются Пиренеи. Пиренеи есть только на юге Галлии.

— Да, и, быть может, также нет ли в Пиренеях какой-нибудь молоденькой девушки, воспоминание о которой сильнее запало в твою душу, чем воспоминание о почве, на которой ты родился? Признайся, ты любил и был любим на родине?

Андроник вздохнул.

— К чему воспоминания, — сказал он с горечью,— когда не принадлежишь самому себе, когда не знаешь даже, будешь ли когда-либо располагать собою!..

— Никогда? Почему никогда? Слушай, Андроник: ты меня интересуешь. Когда ты научишь моих солдат, то, если тебе хочется, отправляя тебя в Италию, я напишу Цезарю, чтоб он дал тебе свободу... чтоб он отоспал тебя в твое отчество...

Физиономия стрелка засияла.

— Ты сделаешь это?.. — вскричал он.

— Сделаю, если буду довольна тобой.

— О, ты будешь довольна, потому что с этой минуты вся моя кровь принадлежит тебе.

Клеопатра странно улыбнулась.

— О! я не потребую от тебя крови, Андроник, — возразила она.

— Чего же, царица?

— Я скажу тебе позже, в Александрии... Ступай. Но не удаляйся от меня,— мне приятно тебя видеть.

На самом деле, во все время путешествия, галльский стрелок почти постоянно находился около царицы. Он не только ел за ее столом, но по особенной благосклонности, ему, по ее приказанию, подавали то же самое что она кушала. Ей нравилось разговаривать с ним, заставлять его рассказывать наиболее замечательные случаи его жизни, — по большей части охотничьи истории и описания битв.

Однажды вечером, грубо перебив его, она сказала:

— Но ты в своих рассказах никогда не говорил мне о любви, Андроник. Разве я ошибаюсь, предполагая, что в твоих горах есть молоденькая девушка, которая оплакивает твое отсутствие?

Стрелок печально улыбнулся.

— Нет, царица, — ответил он, — нет, ты не ошибаешься. Там есть молодая девушка, которой я оставил мое сердце.

— А! а! Вот видишь!

— Но любовь бедного крестьянина и пастушки может ли занять такую великую царицу, как ты?

— Должно быть, может, потому что я предлагаю тебе рассказать. Так ты любишь пастушку?

— Да, государыня.

— Как ее зовут?

— Фабиола.

— Который ей годъ?

— Ей было шестнадцать лет, когда я был принужден вступить в легионы Цезаря.

— А сколько времени ты служишь?

— Будет три года в октябрьские календы.

— Значить Фабиоле теперь девятнадцать лет. Хороша она?

— Я ее люблю!

— Это значит все. Ты ее любишь... и ни одна женщина в мире не может сравниться с ней красотою — даже я?..

Предлагая ему этот коварный вопрос, Клеопатра смотрела в глаза Андronика. Он вспыхнул... а она наслаждалась смущением, причиной которого была она сама.

— А потом? — продолжала она.— О не бойся ничего! Я не рассержусь, если даже узнаю, что я не так красива, как пастушка Аквитании Фабиола. Она красивее меня? говори!..

— Красивее?.. нет!.. Фиалка не может быть красивее розы... но...

— Но, — продолжала она,— ты надеешься обладать фиалкой, и не надеешься иметь розу... Ты благоразумен: для тебя фиалка — первой в свете цветок!.. Однако, положим, что тебе будет дозволен выбор. Понимаешь? Положим, что роза снизойдет до тебя, — разве не будешь ты благодарен? отвечай!

Возбужденная усилившейся страстью, при последних словах, Клеопатра, лежавшая на подушках наклонилась к прекрасному стрелку, стоявшему перед ней, представляя его взорам, вследствие отстранения корсажа из прозрачной египетской ткани, часть самых сокровенных своих прелестей.

Андроник сладостно вздрогнул. Как ни мало был он прозорлив до сего времени, в эту минуту ему трудно было не понять природу чувствований внущенных им царице. Но не в это время, не в этот час выразилось ей его убеждение об этих чувствах.

Сцена, которую мы пробовали изобразить, при конце имела свидетелем,— чего актеры не подозревали,— Птолемея Меннея брата и супруга Клеопатры.

Без сомнения этого супруга вовсе не следовало бояться?— стоит ли бояться ребенка четырнадцати лет. Однако за отсутствием сознания своих прав, этот ребенок имел инстинкт, ибо взирая на описанную сцену с середины палубы, где он остановился, он сдвинул брови.

— Отвечай! — продолжала Клеопатра, сжимая крохотной ручкой мускулистую руку Андronика.

Царь прыгнул к ней.

— Клеопатра, — вскрикнул он, — смотри как потемнело небо! Будет гроза. Разве ты не сойдешь в свою каюту?..

При звуках голоса Птолемея, Клеопатра приняла более приличное положение, а Андроник отошел на три или четыре шага.

В тоже время оба подняли глаза к небу... Небо было величественно. Ни одного облака, не затмевало его лазури.

— Ты глуп, Менней, — сказала Клеопатра, недовольным тоном.— Ты глуп, с своей грозой.

— Ты действительно думаешь, что я глуп? — насмешливо возразил ребенок.

Наступило молчание; потом Клеопатра сказала.

— Ступай, Андроник, к своим братьям по оружию.

И вперив свой взгляд в бледное лицо царя, она подумала:

«Э! э! у львенка начинают прорезываться зубы. Это надо принять к сведению; мы постараемся помешать ему кусаться».

Яд играет большую роль в истории государей и государынь древнего времени, а также, увы! и в истории средних веков!..

Предвидя свое высшее назначение, Клеопатра с пользой употребила свободу изгнания. Никто не знает, что может случиться; даже на троне вас окружают люди, которые вас стесняют, и те, от которых хорошо избавиться без скандала. В Антиохии, где она жила, будущая царица Египта, изучила, под руководством великого ученого, искусство отравления.

Возвратившись из Италии в Александрию, первой ее заботой было снова начать курс учения, которым она пренебрегала со времени пребывания в Египте Юлия Цезаря.

Её дворец-Антирод (остров Роз) был как нельзя более удобен для этих занятий. Под предлогом отдохновения от долгого путешествия она заперлась в этом дворце в обществе близких женщин и сотни невольников, под охраной египетских солдат и десяти галльских стрелков.

Каждый день она удалилась в свою лабораторию, где анализировала, сравнивала и делала опыты с ядами всех сортов: минеральными, растительными, и животными. Ибо все три царства природы имеют одинаковое отношение как к добру, так и ко злу, содержа в себе жизнь и смерть. По большей части эти опыты производились над животными: собаками, кошками, птицами; иногда над невольниками, над несчастными, которых считали за ничто— нужно уметь заставить страдать, чтобы уметь убивать.

Она изучила первенство такого-то яда над таким-то противоядием. Радостная, от успехов в науке, Клеопатра, окончив занятия, присутствовала в дворцовом саду при упражнениях египетских солдат, которых учили галльские стрелки.

Потом, когда наступал вечер, прекрасного Андronика вводили потаенной дверью в ее спальню.

После того, что мы передали об их разговоре на палубе, царской галеры, никого не удивит любовь, или вернее каприз Клеопатры к молодому галлу.

И хотя Андronик признался, что он оставил свое сердце в Аквитании, он с такой страстью отвечал на ласки египетской царицы, о которой она и не мечтала. Правда, что сердце ничего не значит в известном роде нежности, и что в возрасте Андronика было бы больше, чем добродетелью, было бы героизмом, противиться созданию, обладавшему всей обольстительностью красоты и всем могуществом власти. Каждый вечер он любил по повелению египетской царицы.

По повелению — выражение совершенно точное. Однажды она ему сказала: «Я хочу, чтоб ты меня любил! — и он повиновался.

В течение трех недель он исполнял свое назначение официального любовника.

Странное смешение распутства и гордости! Иногда, когда он приближался к он изголовью, погруженная в важные размышления, она даже не поднимала головы...

И он должен был оставаться безмолвным и неподвижным, ожидая чтобы она заметила, что он здесь.

Наконец она его замечала; позабывая заботы настоящего и будущего царица становилась женщиной, и женщиной алчной до наслаждений. Ее огненный взгляд впивался в любовника... Но даже в минуты самого сладостного упоения, в минуту самого пылкого восторга, она заставляла этого любовника уважать то расстояние, которое отделяло его от царственной любовницы.

Понятно ли? — она принадлежала и не принадлежала ему.

Нужно было иметь двадцать пять лет, чтобы платить такой постыдной подчиненностью за несколько часов не полного блаженства.

Андronик имел эту смелость и эту силу три месяца кряду. Галлы были крепкие люди!

Между тем *львёнок*, как называла Клеопатра своего брата и мужа,— все с большим и большиим нетерпением переносил удаление своей сестры и супруги в Антирод.

Однажды, во время упражнений египетских солдат, прибежавшие невольники объявили царице о прибытии короля.

Она, — вся грация — вышла ему на встречу.

Он хотел присутствовать при новых маневрах; они были нарочно для него начаты. В то время, когда их исполняли, Клеопатра заметила, что он не спускал глаз с Андronика.

Спустя несколько времени царь и царица были одни в отдаленной комнате.

— Клеопатра, — без вступления сказал Менней,— я ненавижу Андronика, одного из тех галльских стрелков, которых дал тебе Цезарь.

— А! — холодно сказала она. — Почему ты его ненавидишь?

— Потому, что ты его любишь..

Она пожала плечами.

— Разве Клеопатра может любить солдата! — воскликнула она.

— И так, чтоб доказать, что я ошибаюсь, возразил царь, — отдавай мне этого человека.

— Возьми его! — отвечала Клеопатра. — Возьми уж и его товарищей. Они мне более бесполезны; мои египтяне стреляют теперь не хуже их.

— Хорошо. Я беру. Благодарю.

Десять стрелков сопровождали Птоломея в Александрию.

На другой день, обвиненные и осужденные за воображаемый заговор, они без дальнейших церемоний, были все десять распяты на площади в одном из самых многолюдных кварталов города. По особенной милости маленького государя осужденные прежде, чем быть распятыми, были удавлены.

Узнав о происшествии, Клеопатра даже не поморщилась.

Если все прочие галльские стрелки были ей бесполезны, как наставники ее солдат, то Андроник, в частности, перестал ей нравиться как любовник; ее прихоть прошла.

Но она находила дурным, что Птолемей позволил себе, без ее одобрения, умертвить этих десять человек. Один Андроник еще куда ни шло, царь, понятное дело, его ненавидел; но всех, — это слишком!

Нужно было сдержать львенка; у него были слишком явные despотические наклонности.

Клеопатра явилась в Александрию. Она не сделала ни одного упрека своему мужу и брату по поводу умерщвления стрелков.

Но через месяц после этого, возвращаясь с прогулки, маленький царь выпил стакан *Литуса*, который подал ему преданный невольник, и почувствовал жестокие колики. Через час он, не смотря на всю помощь медиков, умер в страшных страданиях.

Клеопатра стала обладательницей трона.

Вскоре мы увидим, как она правила государством.

Юлия Цезаря более не существовало; его умертили. Ему недостаточно было быть императором; он хотел стать царем. Составился заговор, под руководством Кассия, Марка и Брута. Он пал в Сенате у подножия статуи Помпея, пронзенный двадцатью тремя кинжалами. «И ты, Брут», — проговорил он, падая.

Тело диктатора некоторое время лежало на земле; наконец трое невольников положили его на носилки и отнесли во дворец. Из стольких ран только одна была смертельна, которую он получил в сердце.

Не один из убийц не пережил его тремя годами и не умер естественной смертью. Все они погибли от различных несчастий, одни утонули, другие погибли на поле битвы; некоторые убили себя теми же кинжалами, под ударом которых пал Цезарь.

Пророчество Кассия сбылось: за смертью Юлия Цезаря последовало жестокое смятение; гражданская война перевернула верх дном всю Италию. Изменив своей старинной дружбе к императору, консул Марк Антоний был побежден Октавием, названным потом Августом, — которого Цицерон противопоставил ему вместо Цезаря, и он был побежден им при Модене. По совету одного из своих военачальников Антоний согласился соединиться с Октавием и тогда-то составился знаменитый триумвират из Лепида, Октавия и Антония, который ознаменовался долгим рядом подлостей и грабительства.

Триумвиры, скрепив свое могущество кровью самых знаменитых граждан, с Цицероном во главе, решили преследовать Брута и Кассия, убийц Цезаря. Антоний настиг их при Филиппах и разбил их. После этой победы Октавий и Антоний без церемоний разделили империю и обделили своего сотоварища под предлогом измены. Антоний, накануне своего отправления на войну против парфян, послал посольство Клеопатре, сомневаясь, чтобы она не оказала помощи Бруту и Кассию, — с приказанием явиться в Сицилию, чтобы объяснить свое поведение.

Имела ли на самом деле Клеопатра связь с убийцами её любовника? Это невероятно. Как бы то ни было, подчиняясь повелению Антония, египетская царица была несколько испугана.

В эту эпоху ей было всего двадцать пять лет; она была во всем блеске своей красоты, чего она могла бояться?..

Когда она пристала к Тарсе, столице Сицилии все жители стояли на берегу. Антоний, занятый регулированием будущности народов и царей, один оставался с своими ликторами в трибунале. Восхищенная армия кричала: «Венера явилась к Бахусу. Это сравнение не было неприятно Антонию – извиняясь затруднениями высадки на берег, Венера вместо того, чтобы отправиться к Бахусу, пригласила его к себе на галеру. Бахус принял приглашение.

Во время десерта на этом пиру, который стоил около миллиона, Клеопатра, приказав принести чашу с уксусом, бросила в нее, чтобы распустилась, жемчужину из своих серег, стоившую около двух миллионов сестерций и проглотила... То была гастрономическая любезность, стоившая Клеопатре серьёзного расстройства в желудке.

Но Антоний был изумлен. Женщина проглатывающая по миллиону – клянусь Юпитером! В политических способностях этой женщины нельзя сомневаться! И триумвир более не сомневался. Он ни слова не спросила об ее поведении; нет, он потребовал от нее другой вещи, которая тотчас же была ему дана. Уверенная в своих прелестях, Клеопатра не страшилась отдаваться слишком скоро. В тот же вечер, тогда как лиры и флейты оглашали берега Сиднуса, триумвир и царица Египта тысячью поцелуями скрепляли любовный и военный брак, который могла разрушить только смерть.

Подобный Цезарю, но не имевший его гения, чтобы избавиться от заблуждения чувств, Антоний совершенно отдался очаровательнице. Вначале, он намеревался, покинув Сицилию, идти войной против парфян, но начиналась зима. Зимою, проходить по диким странам, тогда как в Александрии, где царствует вечное лето, любовь хранила ему все наслаждения... Он может сражаться с парфянами, позже. Антоний сопровождал свою обожаемую любовницу в Египет; в течение двух лет он ни на минуту покидал ее...

Помня, однако, что она царица, а Антоний правил Востоком, Клеопатра краснела за то унижение, которому она подвергла своего раба. Уже несколько раз в своих интимных разговорах, под сенью деревьев острова Роз, она старалась пробудить уснувшую душу триумвира.

Наконец Марк Антоний рассудил, что глава империи может употреблять свое время полезнее, чем на ловлю рыбы. Он оставил армию, и сказав «до свиданья» Клеопатре, возвратился в Италию.

Пришла пора. Его брат и супруга Фульвия подняли оружие против Октавия. Прежде чем начать еще одну битву, триумвиры были вынуждены примириться вследствие нерасположения их армий, отставших от этих братоубийц. Антонию был отдан весь Восток, и в удостоверение безопасности, он женился на прекрасной и добродетельной Октавии, сестре Августа. Вслед за тем, он отправился против парфян; но экспедиция не удалась.

«Время года было позднее; Антонию советовали побывать в Армении, где царствовал Артабаз, сын Тиграна, и вступить в Лидию весною. Но страсть его к Клеопатре, оживленная долгой разлукой, не давала ему покоя. Нетерпеливо желая явиться победителем в Египет, он пошел против столицы Лидийского царя и дабы раньше ее достигнуть оставил на дороге свои военные машины под охраной двух легионов.

Почти тотчас же его легионы были разбиты в пух и прах царем Парфянским и за этим несчастьем последовало отпадение Артабаза.»

В этом затруднительном положении Антоний чувствовал, что каждый час колебания сделает отступление всё более и более затруднительным; он оставил осаду и прошел сто миль, постоянно преследуемый парфянами, против которых он выдержал восемнадцать битв. Он потерял 24 000 человек в этой компании, но привязанность, выраженная ему в этом случае солдатами, утешила его в таком несчастье.»

Между тем его безумная любовь увлекала его к другим потерям; вместо того чтобы стать на зимние квартиры в Армении, он спешил в Сирию, и во время похода, посреди снега и льда,

потерял еще восемь тысяч человек. Ему, однако, нужен был успех, чтобы уничтожить следы своей неудачи, и он наказал Артабаза за отпадение, отняв у него его царство.

Антоний с триумфом вошел в Александрию, ведя, Артабаза прикованным к своей колеснице и представил его Клеопатре. На одном из народных праздников, на котором он председательствовал с своей любовницей, Антоний, сидя на золотом троне, провозгласил Цезариона, сына Цезаря, царем Египта и Кипра, и двух детей, которых он от нее имел – царями царей.

И это еще не все. Через некоторое время, он приказал Октавии, своей жене, предлагавшей ему приехать в Азию, не удаляться из Рима и в присутствии всех чинов Египта поклялся, что Клеопатра его законная супруга.

Это было уже безумием.

Столько оскорблений не могли остаться безнаказанными.

В ожидании справедливого наказания, ожидая смерти за Клеопатру, Антоний более, чем когда либо опьяненный любовью, жил только для Клеопатры.

Да, он безумно любил ее! Он любил ее до преступления, до низости.

Два факта могут служить тому доказательством.

У Клеопатры была сестра Арсиона, моложе ее двумя годами, которая, когда старшая сестра, по воле Юлия Цезаря, получила царский скипетр, не побоялась попробовать вырвать этот скипетр из ее рук, напав во главе громады невольников, пиратов, беглецов из Сирии и Сицилии, на легионы диктатора.

Побежденная в первой же битве и взятая в плен, Арсиона, несмотря на свои мольбы и слезы, должна была следовать за Цезарем в Рим, где он имел жестокость отдать ее во время триумфа на народное поругание. Вслед за тем, обосновавшись в одном из самых отдаленных городов Азии, Эфесе, она жила в нем в бедности, забытая и печальная...

Но она жила, а Клеопатра не прощала.

Однажды, встав поутру, царица Египта, предстала перед триумвиrom с лицом искаженным синеватой бледностью.

– Что с тобой, моя милая? – спросил с беспокойством Антоний.

Она молчала.

– Что же с тобой? – повторил он.– Быть может, дурной сон, воспоминание о котором тебя тревожит?

– Да, – ответила Клеопатра, – я видела страшный, ужасный сон!.. Сон, который предвещает мне ужасную катастрофу.

И прижавшись к груди своего возлюбленной, Клеопатра продолжала со всеми признаниями ужаса:

– О! спаси, спаси меня! Умоляю тебя Антоний! Она убьет меня! Она убьет моих детей!.. твоих детей!..

– Кто?..

– Арсиона, сестра моя, которая уже намеревалась похитить мою корону.

– Но она ведь далеко, далеко отсюда, в Ефесе.

– Разве для ненависти существуешь расстояние! Говорю тебе, она убьет меня. Она растерзает всех, кто мне дорог. Сны не лгут. Я видела сегодня ночью; она проникла сюда и ногами топтала безжизненные трупы Цезариона, Птолемея и Александра,– моих сыновей, и приставив к моему горлу кинжал, она мне крикнула: «Я хочу царствовать. Я буду царствовать! Умри!..»

– Полно, – сказал, улыбаясь, Антоний, – ты однако не умерла. Цезарион и Александр тоже живы. Успокойся, моя царица. Сон – ложь.

Клеопатра подняла свое бледное лицо, в чертах которого выражение гнева сменило ужас.

– Так-так! – воскликнула она. – Ты говоришь, что любишь меня, а когда я прошу твоей помощи и покровительства, – у тебя одни только насмешки.

– Я не смеюсь, душа моя! Но чего же ты хочешь?

– Арсиноя хотела меня убить; я хочу, чтоб она умерла.

– Она хотела убить тебя... во сне...

– Довольно! это слишком! Если ты не веришь снам, – я им верю. При том, ее прошедшее не убеждает ли в ее будущем? Нет, нет не без цели боги потрясли мой сон этим могильным видением. Кто знает, что в эту минуту Арсиноя не замышляет погубить меня!

– Можно убедиться в этом, послав в Ефес взвод солдат.

– Я только этого и прошу! Пошли в Ефес взвод Сагонтицев, под начальством Энобарба. Он мне предан; он не захочет, чтобы царице Египта, жене его полководца, угрожала гордость соперницы...

– Угрожала? – весело повторил Антоний, который ни как не мог принять всерьез боязнь Клеопатры, по поводу сна.

Но она снова сдвинула брови. Опять сделавшись важным, Антоний поспешил ее успокоить. Энобарб был призван, и ему дано было поручение. В тот же день, со взводом Сагонтицев, он отправился в ионический город.

Клеопатра была права, сказав, что Энобарб был ей предан – он был так предан, что убил Арсиною, хотя ему и не было это положительно приказано.

Несчастная сестра царицы, пораженная зловещим предчувствием, при виде солдат любовника Клеопатры, спаслась в храм Дианы, как неприкосновенное убежище. Энобарб последовал за ней и умертвил на самом алтаре богини.

Когда он возвратился в Александрию:

– Ну что? – спросили у него Антоний и Клеопатра.

– Я ее убил, отвечал он.

– Так она составляла заговор? – спросил Антоний

– Конечно! – вскричала Клеопатра, – ведь он же убил ее! Я тебе говорила, что сны не лгут.

Другая черта постыдного падения Антония еще более характерна.

Между женщин, находившихся в услужении у Клеопатры была одна девушка, из Кассалы, в верхней Нубии, по имени Жевра, – редкой красоты, хотя ее кожа была бронзового цвета. Для Антония цвет кожи не значил ничего, если ему нравилась форма. Жевра ему понравилась. Однажды утром, во дворце Антидора, предполагая, что Клеопатра в саду, Антоний ощутил желание изменить мрамору ради бронзы.

Но Клеопатра была не в саду. Она находилась в соседней комнате и появилась в ту самую минуту, когда, увлеченный страстью Антоний принимал, за царицу простую невольницу.

За кратковременную любовь к ней цезаря Жерва заплатила жизнью. Клеопатра потребовала, чтоб Антоний своими руками подал чашу со смертоносным ядом той, с которой только что наслаждался. И Антоний раболепно исполнил это бесчеловечное требование, и когда несчастная, испустив два или три стона, упала у ног Клеопатры, сидевшей па троне с своим любовником без страстно смотревшим на предсмертные конвульсии.

– Я люблю тебя! – произнесла Клеопатра. И их уста слились в поцелуе.

Клеопатра умерла тридцати девяти лет, процарствовав двадцать два года, из которых четырнадцать с Антонием.

Она умерла добровольно от укуса ядовитой змеи, после того как Антоний был разбит на голову Октавием.

За отсутвием живой Клеопатры Октавий во время своего триумфа велел нести ее изображение.

Но, исполняя ее желание, выраженное в ее завещании, он повелел похоронить египетскую царицу в одной гробнице с Марком Антонием.

В том же завещании мать препоручала своих детей властителю вселенной.

Но властитель мира был гуманен только до тех пор, пока полагал, что его гуманность не повредить его интересам.

Он призвал в Италию Александра и Птолемея, двух сыновей любви Клеопатры и Марка Антония и дочь, названную по имени матери Клеопатрой.

Принятые добной и благородной Октавией после триумфа Августа, Птолемей, Александр и Клеопатра были воспитаны ею, как ее собственные дети.

Но что касается Цезариона, сына Цезаря, он был умерщвлен в Египте.

То был, как говорит философ Арий, один из его царедворцев, которого Октавиан заставил совершить эту жестокость, сказав ему, что два Цезаря смутят мир и что одного совершенно достаточно...

Для царедворца было недурно сказано.

ГРЕЦИЯ

Религиозная проституция в Греции, существовала с того самого времени, как появились боги и храмы.

Она восходит к началу греческого теогонизма.

Эта теогония, которую создало поэтическое воображение эллинов за восемнадцать веков до нашей эры, была аллегорической поэмой любовных наслаждений во Вселенной.

Все религии имели одну и ту же колыбель; повсюду женская природа, распускалась и рождала при плодотворном прикосновении мужской природы.

Повсюду обоготворяли мужчину и женщину в наиболее выразительных их половых отли-чиях.

Греция заимствовала из Азии культ Венеры и Адониса, а так как двух этих влюбленных божеств было недостаточно, то Греция умножила их под множеством различных имен, так что в ней было почти столько же Венер, сколько храмов и статуй.

Жрецы и поэты, бравшиеся общим хором за изобретение и описание подвигов богов, развивали одну только тему: чувственное наслаждение.

В этой остроумной и прелестной мифологии поминутно является любовь под самыми разнообразными формами, и жизнь каждого божества есть ничто иное как сладострастный гимн во славу чувствований.

Понятно без всякого труда, что проституция, которая является в «Одиссее», под самыми различными формами метаморфоз богов и богинь должна была быть отражением греческих нравов во времена Инаха³.

Нация, религиозные верования которой были только громадой постыдных легенд, могла ли быть целомудренной?

Греция, с самых героических времен, приняла культ женщины и мужчины, который Вавилон и Тир установили в Кипре.

Культ этот вышел с острова, специально ему посвященного, и распространился по всем островам Архипелага, откуда перешел в Коринф, Афины и во все ионические города.

По мере того, как Венера и Адонис получали право гражданства в стране Орфея и Гесиода, они теряли некоторые отличительные черты своего халдейского и финикийского происхождения.

Венера и Адонис были более прикрыты, чем в малой Азии.

Но под этим прикрытием существовала изысканность и утонченность, которой, быть может, не было известно в священных местностях Милиты и таинственных лесах Бельфегора⁴.

Самая древняя Венера, приводимая Сократом и Платоном была Венера Пандемос или народная, та самая, которую Тезей поставил в рождавшихся Афинах, и которая была обоготворяема маленьkim народонаселением. В нескольких шагах от Венеры стояла совершенно независимо статуя Пито.

---

³ Инах (др.-греч. Ἰνάχος) – в древнегреческой мифологии речной бог. Сын Океана и Тефии. Также отцом Инаха называли Ойнея. Сестра и жена Инаха – Аргия, отец Форонея и Эгиалея, по одной из версий также Ио. По преданию, Инах был рекой и вместе с Кефисом и Астерионом решал спор между Посейдоном и Герой о владении страной. Он объявил землю принадлежащей Гере, и в гневе Посейдон иссушил в ней источники. По другому рассказу, Посейдон наводнением залил большую часть страны. На том месте, откуда стала спадать вода, построили храм Посейдону Проклистию. Либо Инах был царём, назвал реку своим именем и учредил жертвоприношения Гере. Есть рассказ, что первые аргивяне, которых Инах привёл с их земель в долину, питались дикими грушами. Построил город Аргос. Согласно Геродоту его дочь Ио была похищена финикийцами во время их нахождения в Аргосе, в который они прибыли для продажи товара.

⁴ Бельфегор (Вельфегор, Бельфагор, Ваалфегор, Ваал-Фегор) – одна из форм Ваала, могущественный демон, в высшей степени почитается женщинами. В оккультизме – шестой из десяти архидемонов (злых элементалов), «гений открытый и изобретений» (Папюс).

Если совершенно неизвестно в какой позе была представлена мать любви, то тем не менее можно предполагать, что эта поза была выразительна.

В самое короткое время это место стало столь посещаемо, что позже, Солон, желая употребить на постройку храма деньги афинян,— воздвиг его как раз напротив Венеры Пандемос.

Этот храм под призванием проституции стал доходным, так как в четвертый день каждого месяца празднества в честь богини привлекали большое число куртизанок.

В этот день существенная добыча от их ремесла под видом жертвы обогащала алтарь их дорогой богини.

Независимо от афинского храма, народная Венера была обоготворяема и в других местностях Греции.

В Фивах она существовала с основания города при Кадме.

Предание даже говорит, что статуя, которой был украшен храм, была сделана из той бронзы, которой были обиты корабли Кадма, снятой после его высадки в Беотии.

Мегаполис обладал тремя различными статуями богини.

В Елисе была также статуя, сделанная скульптором Сотасом, и представлявшая Венеру лежащей на спине козла с золотыми рогами.

Обыкновенно богиня была обожаема куртизанками и их любовниками, под именем Гетеры или блудницы, — была легендарная Венера, происхождение которой восходить к баснословным временам Греции.

Когда Абидос был порабощен иноземцами и страдал от своей неволи, однажды ночью солдаты уснули среди оргии, дававшейся куртизанками. Одна из них, увлекаемая любовью к отечеству, воспользовалась обстоятельствами, чтобы похитить ключи от города и, перейдя через ограды, они разбудили побежденных, храбрость которых сделала остальное.

Когда настало утро, часовые были задушены, враг изгнан со стыдом и страна освободилась.

В воспоминание этого замечательного случая, жители, почти чудесным образом избавленные от постыдного ига, воздвигли храм во имя Венеры-Гетеры.

На мысе Самосском храм богини имел также свою историю, быть может менее героическую, но за то более поэтичную.

Он был построен одной куртизанкой, которая на берегу Эвксинского Понта молила Венеру послать в ее жилище большее количество посетителей.

В Самосе Венера-блудница, которую звали то богиней тростников, то богиней болот, имела храм, вполне посвященный проституции, поскольку гетеры, сопровождавшие войско Перикла на осаду Самоса доставили необходимую для его постройки сумму.

Другая Венера — Венера Перибазия, — которой Дедал, тот самый, что сделал план Критского лабиринта, — поставил статую из чистого серебра, у Римлян стала похотливой Венерой.

Приносимые этой богине жертвы были в большинстве случаев внушаемы качеством приносивших эти жертвы женщин.

Золотые, серебряные фаллусы, фаллусы из слоновой кости, дорогие безделушки, зеркала из полированного серебра, носившие описания обстоятельств, были приносимы в жертвоприношения, которые также состояли из постоянных принадлежностей куртизанок.

Многоразличная в своих видоизменениях, Венера сохраняла свою мифологию и была то Мушеей или богиней вертепов, то Кастинией или богиней постыдного совокупления; то Скотией или богиней мрака, то Дорцето или потаскушкой, наконец Каллипигой и Механитис.

Под именем Дорцето скрывается следующая легенда. Венера, упавшая с Олимпа в самое глубокое море, была принесена гигантской рыбой на берега Сирии.

В благодарность она поставила своего спасителя в число звезд.

Под именем Механитис или механической она была представлена с деревянными ногами и в мраморной каске.

Вследствие остроумного механизма, статуя могла принимать какие угодно позы.

«Эта богиня, говорит Дюфур, была без сомнения, под различными видами богиней красоты; но красота, которую она собой олицетворяла была не красотой лица, а красотой тела.

И греки, более привязанные к скульптуре, чем к живописи, отдавали предпочтение форме, а не цвету. «Красота лица придавалась почти безразлично всем богиням греческого пантеона, тогда, как красота тела была одной из божественных принадлежностей Венеры.»

Когда троянский пастух Парис, отдал яблоко одной из богинь-соперниц, он сделал выбор только после того, как увидел их без всякой одежды.

Таким образом, Венера представляла не духовную красоту женщины, но красоту материальную, телесную.

«Поэты и артисты давали ей очень маленькую голову с узким и низким лбом и взамен этого длинные, гибкие, полные члены. Совершенство красоты у богини начиналось, особенно, с чресл.

Греки были первыми в мире знатоками этого рода красоты.

Но однако не Греция, а Сицилия воздвигла храм Венере Каллипиге.

Храм этот обязан своим происхождением приговору, не имевшему такой знаменитости как суд Париса, ибо судившиеся стороны не были богинями.

Две сестры в окрестностях Сиракуз, купаясь однажды, заспорили о своей красоте.

Молодой сиракузец, проходивший мимо и видевший споривших, не будучи видим ими, преклонил колена, как будто перед Венерой, и вскричал что старшая победила.

Девушки убежали полураздетыми.

Молодой человек возвратился в Сиракузы и, еще взволнованный от восторга, рассказал, что видел.

Его брат, приведенный в восторг рассказом, объявил себя в пользу младшей.

Наконец, они собрали все свои драгоценности и отправились к двум сестрам, предлагая себя в зятья.

Младшая заболела от мысли, что побеждена; она согласилась на пересмотр приговора, и оба брата объявили, что они обе достойны быть победительницами, так как судья видел одну справа а другую— слева.

Обе сестры вышли замуж и принесли в Сиракузы славу о своей красоте.

Ихсыпали подарками, и они приобрели такое богатство, что имели возможность воздвигнуть храм богине, бывшей источником этого состояния.

Статуя, которой восхищались в этом храме, соединяла в себе сокровенные прелести обеих сестер, и это соединение двух моделей в одной почти произвело тип совершенной красоты.

Эту красоту обессмертил поэт Керпидац из Мегалополиса, никогда не видевший оригиналов.»

Атеней передает тот же анекдот, который под прозрачным покровом скрывает историю двух сиракузских куртизанок.

Куртизанки не довольствовались построенным храмом Венере, они принимали также деятельное участие в посвященных ей церемониях.

К храму который богиня имела в Коринфе, по свидетельству Страбона принадлежала тысяча посвященных проституток, услуги которых увеличивали доходы жрецов и алтаря богини.

Чтобы сделать Венеру благосклонной, в Греции был обычай посвящать ей известное число молодых девушек для частных услуг. Коринф более других городов имел эту привилегию.

Всякое ходатайство перед богиней совершалось куртизанками, которые первые входили в храм и последними из него уходили.

В важных обстоятельствах видали даже странные процесии, состоявшие из этих созданий, проходивших по городу в костюмах своего ремесла.

Вне этих, так сказать, легальных жертвоприношений женщины, упавшие до разряда проституток, специально отправляли известные праздники у себя дома за запертыми дверями.

Таковы были афродизические и алоенские.

Последние бывали после сбора винограда, находились под покровительством Цереры и Бахуса и собирали большое количество куртизанок.

Сидя со своими любовниками, вокруг уставленного кушаньями стола, они проводили многие дни и ночи в разврате, оглашая эти ночи смехом и песнями, и обливая вином.

Исключая храмы Венеры, где куртизанки были как дома, все другие были для них строго заперты, ибо они были оплеваны честными женщинами, которые бежали от них, как от чумы, и не могли глядеть на краснеля.

Однако в Элевсисе они сохранили для себя залу в храме Цереры. Они могли собираться в ней без жрецов, одни заменяя последних, другие в качестве присутствующих, сохраняя целомудрие, которое не всегда было в их привычках.

Но уроки добродетели заменялись со стороны старух, так сказать, практическим курсом посвящения в таинства Венеры.

Таким образом, культ Венеры был культом чувственной любви, полового разврата, и главными его поклонницами были проститутки.

За 638 лет до Р. Х. родился второй из семи греческих мудрецов, афинский законодатель Солон.

В эту эпоху гостеприимная проституция давно уже исчезла с эллинской почвы и брак был даже уважаем.

Но следы религиозной проституции были еще столь явными, она приносila такие громадные доходы храмам и жрецам, что законодатель был поражен этим.

Тогда он задумал регламентировать проституцию не только для того, чтобы обратить в пользу государства те громадные суммы, который доставались в частные руки, но также в видах улучшения распущеных нравов своего народа.

Дело шло о том, чтобы удержать афинских юношей в границах, за которые они переступили, и остановить разлитие разврата, долженствующего переродить расу.

Кроме того, следовало обеспечить скромность честных женщин, ставших целью преследований со стороны молодых развратников и старых прелюбодеев.

Эти-то различные мотивы заставили его основать учреждение, которое он населил невольницами всех наций.

Женщинами, приобретенными на деньги государства, содержавшимися на его счет и служившими пороку, удовлетворяя его без захвата чужой собственности.

И чтобы придать этому учреждению уважаемый характер, чтобы отнять у него чисто пагубную сторону, во главе его Солон поставил важного чиновника; по крайней мере так было вначале.

Сверх того, эти несчастные были, так сказать, отделены от остального народонаселения.

Секвестрованные в местности, где они занимались своим постыдным ремеслом, они не могли являться ни на общественных праздниках, ни в религиозных процессиях.

Если, отказываясь от чрезмерной суровости, власть позволяла им являться вне своих жилищ, то они были: обязаны носить одежду, форма и цвет которой объясняли народу кто они.

Однако редкая терпимость, позволявшая им выходить, строго запрещала посещать местности города, где их появление могло бы произвести скандал.

Их качество иностранок совершенно лишало их общих преимуществ, в такой мере, что достаточно было афинской женщине отдаваться проституции, чтобы утратить права рождения.

Но эта благоразумная предусмотрительность не была сохраняема; по смерти Солона проституция проникла всюду, во все классы общества, и даже на Форуме они сталкивались с честными женщинами.

Гиппий и Гиппарх, сыновья Пизистрата, сделались покровителями этих созданий.

За столом, но поводу смерти их отца, матроны и куртизанки сидели рядом, как позорный вызов, брошенный общественному приличию.

За этими пирами, превращавшимися в оргии, по словам Идоменея, происходили крайние безобразия; они оканчивались в полях, виноградниках и садах, открытых по приказу.

Хотели, чтобы в публичном разврате каждый принимал участие, не скрывая даже своего стыда в заведении, основанном Солоном.

Нравы никогда не очищались до добродетели, но на крайней мере это учреждение заставляло уважать домашний очаг.

Если мужья не боялись посещать Пирей, населенный куртизанками, в обществе своих друзей, и посвящать Венере-Пандемос своих жен, то они были уверены что дом их гарантирован от нечистого прикосновения проституции.

Сpartанки и коринфские женщины не имели ни характера, ни силы своих сестер афинянок.

Они тихо погружались в колею проституции, столь глубоко проведенную еще до них, и даже находили в этом известное удовольствие.

В Коринф еще непрестанно приезжали иностранцы ради торговли, повсюду оставляя следы своего великодушия – такое положение дел не было странно.

Но в Спарте, хваставшейся строгими добродетелями, бывшей типом суворой республики, роль публичной женщины менее понятна.

Правда, что Ликург в своем законодательстве мало заботился о женщинах.

Когда он был призван спартанцами дать им законы, женщины уже давно жили в разврате, который только увеличивался от их мужского воспитания.

Они разделяли, будучи полуодетыми, все мужские упражнения, боролись с ними, сражались рядом с ними, или упражнялись в беге.

Между тем, нравы Спартанцев с отвращением отвергали любовь, которая не была в естественных условиях, удаляясь таким образом от Афинян, которых пылкость увлекала к постыдным поступкам.

У них дружба двух мужчин не могла быть заподозрена ни в какой пошлости, потому что ее единственным двигателем было братство по оружию.

Но к обладанию женщиной они не примешивали ни ревности, ни удовлетворенного самолюбия.

Они смотрели на них, как на бродящий скот, которым каждый мог завладеть и оставить себе на потеху.

По этому женщины и девушки всего чаще отдавались без вознаграждения, каждому кто их желал, ни мало не стыдясь поступка, который оставлял по себе совершенное равнодушие.

Поэтому, обращаясь к истокам древнегреческого распутства, мы вынуждены прибегнуть к героине столько древней, сколь и легендарной – к образу Елены Прекрасной или Троянской, имени ставшему нарицательным при обозначении женщины в высшей степени свободной нравом и столь же независимого вкуса.

* * *

Елена Троянская

Из многочисленных куртизанок древности первое место бесспорно принадлежит Елене, «прекрасной, лилейно-раменой» супруге Атрида Менелая, куртизанке по натуре, едва ли не первой женщине, из-за обладания которой разгорелась война народов, погубившая Трою⁵.

---

⁵ Очерк из книги Л.Л. Иванова «Вакханки и куртизанки».

Елена Троянская. С картины Эвелин де Морган

Легенда утверждает, что Елена была дочерью супруги лакедемонского царя Тиндарея, красавицы Леды, и бога богов Зевса, проведшего с ней ночь любви в образе лебедя. Очевидно, при создании этой легенды главную роль играла фантазия, необыкновенно пылкая у восточных народов, в особенности в тех случаях, когда они затруднялись объяснить себе факты, не поддававшиеся их умозрению. Если же взглянуть на это проще, вся эта история представится в менее поэтическом, но зато более правдоподобном виде... Однажды ко двору царя Тиндарея прибыл какой-то знатный чужеземец, молодой и красивый. По обычаю того времени, хозяин дома обязан был уступить свою жену на ночь гостю. Радушный и гостеприимный Тиндарей, разумеется, не пошел против обычая, и Елена явилась следствием этого гостеприимства. Ребенок родился такой поразительной красоты, что слухи о нем прошли от Элиды до Малой Азии. Так как братья и сестры Елены наружностью мало чем отличались от обычных смертных, красота новорожденной была признана божественной. Ее восхитительная лебединая шея и грудь породили вышеупомянутую легенду, тем более имевшую основание, что Зевс-громоудержец имел привычку, нарушая супружескую верность, превращаться во всевозможные одуванчика и неодуванчики и неодуванченные предметы.

По мере того как Елена росла, расцветала ее красота. Чтобы оградить молодую девушку от нежелательных случайностей, к царевне приставили специальную охрану, от которой, однако, ей прежде всего и пришлось защищаться. Но это были еще цветочки, ягодки зрели впереди.

Однажды, когда Елена, имея всего двенадцать лет от роду, вместе с подругами совершила торжественные пляски у алтаря Артемиды, Тезей, герой, слава о подвигах которого уже гремела по всему свету, с помощью своего верного друга Пирифоя похитил ее и увез в Афины. Эллений утверждает даже, что в момент похищения красавице было всего семь лет, с чем, однако, трудно согласиться. Есть основания предполагать, что похищение, в те времена практиковавшееся очень часто при сватовстве, в данном случае было совершено только для проформы и сопротивление Елены было притворным, так как отвечало ее мечтам.

Не надо этому удивляться: античные народы смотрели на вещи не так, как мы. Плутарх, как бы желая сгладить разногласие относительно возраста Елены, умалчивает о годах, а говорит только, что похищенная еще не достигла возраста, требуемого для брачной жизни.

Братья Елены, Диоскуры Кастор и Поллукс, тщетно искали сестру и уже готовы были отказаться от дальнейших поисков, когда, на их счастье, афинянин Академ дал им подробные сведения. Молодые люди немедленно отправились освобождать красавицу из плена, не казавшегося ей, однако, тяжелым. Освобожденная Елена рассказала братьям, что, будучи увезена Тезеем в Афины, она была сдана им на попечение его матери Этры, заботившейся о ней, как о собственной дочери, и уверяла, что благодаря этому избавилась от покушений Тезея, сохранив свою честь незапятнанной. Как увидим ниже, ее уверения, очень далекие от истины, были только защитой перед родными, негодовавшими на ее чересчур легкомысленное поведение.

По дороге в Лакедемонию Елена остановилась в Микенах у своей старшей сестры Клитемнестры, супруги «царя царей» Агамемнона. Дурик Самосский и Павзаний в один голос утверждают, что в это время Елена уже носила под сердцем тайный плод своей связи с Тезеем, грациозную Ифигению, впоследствии воспетую поэтами, которая и родилась в Аргосе. Не желая появиться в Спарте, где ее ожидали женихи, с фактическим доказательством своего бесчестия, Елена отдала Ифигению Клитемнестре, воспитавшей ее, как собственную дочь. АгамемNON, вернувшись из путешествия, никак не удивился прибавлению семейства и признал себя ее отцом. Однако некоторые писатели не соглашаются с такой покладистостью «царя царей» и, признавая снисходительность эллинских мужей к своим супругам, все-таки уверяют, что глава Атридов потребовал серьезных объяснений от Клитемнестры относительно ребенка,

которого она выдала за своего, и, только получив их, согласился сохранить тайну его происхождения.

Как бы то ни было, это первое приключение юной дочери лакедемонского царя стало притчей во языцах и создало Елене громкую известность. Женщина, так рано вступившая на поприще любви, конечно, не могла сделаться достоянием одного мужчины, и каждый втайне надеялся когда-нибудь воспользоваться ее ласками. Боги нечасто награждали женщину красой, способной поссорить два десятка военачальников, не возбудив их гнева против себя, и не нести ответственности за причиненный вред. Действительно, красотой с Еленой не смогла сравняться никакая другая женщина. Цедрений говорит, что у нее были «большие глаза, в которых светится необыкновенная кротость, пурпурный ротик, сулящий самые сладкие поцелуи, и божественная грудь». Недаром же по форме ее грудей вылили чаши, предназначенные для алтарей Афродиты. Овидий прибавляет, что ее лицо не нуждалось в косметике, к которой прибегали почти все гречанки. Будь целомудрие Елены даже заперто в железной башне, рано или поздно его похитили бы!

Елена вернулась в Лакедемонию как раз в тот день, когда Тиндарей хотел решить ее судьбу. Претендентов на божественную ручку прекрасной царевны оказалось великое множество. Предвидя дурные последствия, способные возбудить вражду между женихами после избрания одного из них в мужья Елены, Тиндарей заранее заставил их дать клятву быть союзником того, кому посчастливится стать его зятем, и только после этого избрал дочери мужа. Гигин доказывает, однако, что выбор мужа был предоставлен самой Елене и что счастливцем оказался белокурый спартанец Менелай, брат Агамемнона. Возможно, что при выборе он показался ей проще остальных, и красавица предугадала, что с этим мужем нетрудно будет поладить, когда она пожелает отдаваться тому или другому мужчине, приглянувшемуся ей, но не вызывает сомнений, что ни один из сватавшихся не нарушил данной клятвы, и Менелай торжественно увез Елену к себе на родину.

Увы, их семейное счастье оказалось непродолжительным. После того как Елена одарила супруга дочерью Герионой, Афродита приготовила ему неприятный сюрприз в лице троянского царевича Париса.

Парис, или Александр, как иногда его называет Гомер, был сыном царя Приама и Гекубы, которой за несколько дней до его рождения приснилось, что она родит горящий факел, который сожжет древний Илион до основания. Оракул разъяснил, что у Гекубы родится сын, который станет причиной гибели его родного города. Мудрый старец Приам, чтобы избежать грозившего несчастья, тотчас же после рождения Париса призвал пастуха и приказал отнести ребенка на вершину горы Иды и оставить там на произвол судьбы. Но судьба склонилась над малюткой: в течение восьми дней медведица кормила собственным выменем брошенное дитя, пастух же, пораженный увиденным, взял ребенка на воспитание. Приам даже и не вспоминал о Парисе, имея, по словам Гомера, пятьдесят сыновей и столько же дочерей – полигамия была обычным явлением на Востоке, – из которых, кроме Париса, приобрели известность Гектор, Деифоб, Кассандра, Поликсена и Гесиона, впоследствии похищенная греками.

Однажды, когда юный Парис, пася стада у подошвы Иды, отдыхал под деревом, перед ним неожиданно предстали супруга Зевса – гордая Гера, мудрая Паллада-Афина и обольстительная Афродита, сопровождаемые вестником богов – Гермесом. Последний рассказал изумленному юноше о причине их появления.

На свадьбу Пелея и Фетиды, которую удостоили своим присутствием все небожители, забыли пригласить богиню пагубного раздора – Эриду. Оскорблена этим, она сорвала в Гесперидском саду золотое яблоко, сделала на нем надпись «Самой красивой» и бросила среди пирующих. Мир и согласие тотчас же были нарушены, так как три богини одновременно заявили притязание на золотой плод и за решением спора обратились к Зевсу, указавшему им на царственного пастуха, как на особенного знатока красоты. Не соблазнившись обещаниями

Геры, сулившей богатство и владычество над Азией, пренебрегая мудростью и военной славой, способной затмить всех героев земли, которые давала Паллада-Афина, Парис отдал яблоко Афродите, обещавшей ему в супруги самую прекрасную женщину на свете. Однако прошли годы, прежде чем богиня любви исполнила свое обещание.

Но вот Афродита вторично явилась фригийскому пастуху и предложила отправиться в Элладу, где в царских чертогах Атрида Менелая, в Спарте, он найдет обещанное. Но пообещать легче, чем исполнить. Парис уже успел жениться на нимфе Эноне, когда-то любимице Аполлона, обладавшей даром прорицания. Она предсказала Парису гибель всей его семьи и страшное бедствие отечества, если он не откажется от поездки в Спарту. Но Парис, решив, что предсказание внушиено обыкновенной ревностью, не послушался и, желая овладеть самой прекрасной женщиной, стал добиваться, чтобы Приам его признал. Вскоре случай представился. Парис отличился, победив многих соперников во время торжественных состязаний в борьбе. Получив приз, он открыл отцу свое происхождение, показав пеленки, в которые был завернут, когда его отдали пастуху. Обрадованная Гекуба, забыв свой вещий сон, с радостью приняла сына, а Приам вскоре возложил на него поручение, хотя и почетное, но очень опасное – потребовать в Греции выкуп за увезенную сестру – Гесиону.

Все это отвечало надеждам и ожиданиям Париса. Окруженный блестящей свитой, с богатыми подарками, юноша, не заботясь об исполнении отцовского поручения, поспешил прямо в Спарту, во дворец Атрида Менелая, где был радушно принят.

Парис. Бюст Кановы

По окончании обеда, когда Парис рассказывал Менелаю об Илионе и его сокровищах, вошла Елена. Троянский ловелас сразу узнал в ней тот образ, о котором мечтал. Ведь Елена была похожа на Афродиту. День за днем он проводил в гостеприимном дворце, а прямодушный герой Менелай, чуждый притворства, не ожидавший обмана, радовался его продолжительному присутствию. Быть может, все обошлось бы вполне благополучно, если бы торжественное жертвоприношение не потребовало отъезда Менелая на остров Крит. Это и решило судьбу Трои.

Елена влюбилась в Париса, который изощрялся в способах, желая привлечь ее внимание, не подозревая, как легко достанется ему эта победа. Колутий, поэт V века, превосходно описал приезд троянского царевича, волнение царицы при виде его, страсть, которую он ей внущил, и его усилия всецело овладеть ею, хотя ради этого он прибегнул к не особенно благородной уловке.

– Знаешь ли ты, – иронически говорит Парис Елене, – что Менелай принадлежит к таким людям, которые терпеливо переносят оскорблений?.. Во всем Аргосе не встретишь женщины трусливее его!

Елена молча слушает речи красивого юноши, думая совершенно о другом, и тонко, осторожно высказывает свои желания, делая вид, что уступает ему.

– Ах, – вздыхает она, – мне так бы хотелось увидеть стены, где ты родился!.. Я желала бы пройтись по тем уединенным местам, где раздавались гармонические песни второго Феба, превратившегося в пастуха и по велению богов много раз водившего там своих волов... Покажи мне Трою, я согласна следовать за тобой и не боюсь гнева Менелая!

Очевидно, знакомство с Тезеем развило в Елене вкус к приключениям, куртизанка брала в ней верх над царицей. Впрочем, дочь Леды и не могла поступить иначе. После того как она приняла любовь чужестранца, любовники на всех парусах полетели к берегам Трои, захватив с собой многие сокровища. Волны Эгейского моря качали беглецов, нетерпеливо ожидавших очаровательной ночи в прекрасном царстве Приама.

Но гордая Гера еще гневалась на Париса и тотчас отправила Ириду объявила Менелаю о совершившемся преступлении. Ограбленный герой, вернувшись в опустевшие палаты своего дворца, стал замышлять тяжкую кровавую месть. Настало время призвать на помощь своих прежних соперников по сватовству. Снова их всех соединило одинаковое желание найти ту, которой каждый из них надеялся овладеть в свою очередь, и, наверное, не один из них мысленно упрекал себя за то, что не опередил Париса, теперь наслаждавшегося в объятиях похищенной красавицы.

Перед отплытием в Трою Менелай пожертвовал в храм Дельфийского оракула массивное золотое ожерелье, принадлежавшее Елене, которое, как утверждали, было подарено ей Афродитой. Только на этом условии оракул обещал победу. В 106-ю Олимпиаду, когда фокейцы разграбили Дельфийский храм, ожерелье Елены вместе с ожерельем Эрифилы, жены предсказателя Амфиара, находилось в числе вещей, поделенных фокеянками. Ввиду возникших ссор и горячих споров пришлось бросить жребий между женщинами. Ожерелье Эрифилы досталось свирепой фокеянке, впоследствии убившей своего мужа; ожерелье Елены стало добычей другой, необыкновенно развратной женщины, долго странствовавшей по свету с каким-то эпирским юношем.

Окрыленные будущим успехом, военачальники Элиды, вооружив корабли, поспешили к берегам Илиона, где аргивянка Елена уже стала супругой своего похитителя. По Гомеру, в тот момент, когда обе армии сражались, Елена, вызвавшая эту кровопролитную войну, сидела во дворце и

...ткань великую ткала,
Светлый, двускладный покров, образуя на оном сраженья,

Подвиги конных Троян и медянодоспешных Danaev,
В коих они за нее от Ахеевых рук пострадали...

Понятно, что ее первый супруг с трудом удерживал свое пока бессильное бешенство и, удалившись в палатку, думал о неверной, разделявшей невдалеке от него ложе с Парисом. Она же вовсе не жаждет увидеть своего обманутого мужа, хотя имеет возможность очень легко пройти ночью в греческий лагерь. Очевидно, она ждет, чтобы ее похитили в третий раз.

Ее красота по-прежнему сохраняет всю свою чистоту и благородство, никто не решается бросить ей упрек. Даже троянские старейшины, умудренные годами и опытом, поражаются ее красоте:

Старцы, лишь только узрели идущую к башне Елену,
Тихие между собой говорили крылатые речи:
Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за ту женщину и беды столь долгие терпят;
Истинно, вечным богиням она красотою подобна...

Приам же ее призывал дружелюбно:

Шествуй, дитя мое милое, ближе ко мне ты садися...
Ты предо мною невинна, единые боги виновны...

Овидий идёт еще дальше.

«Когда Менелай уехал, – говорит он, – Елена застыла на одиноком ложе и пошла согреваться в объятия гостя. О, Менелай, ты был глуп, оставив жену под одной кровлей с чужеземцем. Безумец, ведь это все равно, что поручить голубку хищному ястребу, стадо овец – кровожадному волку. Ни Елена, ни ее похититель не были виновны: на месте Париса ты сам, да и любой из нас поступил бы точно так же. Ты натолкнул их на измену, уступив место и время, ты сам указал жене дорогу. Что ей оставалось! Муж в отсутствии, а рядом прекрасный чужеземец. Она побоялась одна лечь в широкую постель. Пусть Менелай рассуждал, как ему угодно, но, по-моему, Елена невиновна. Она только воспользовалась случаем, предоставленным ей слишком недальновидным муженьком».

Итак, пока глубокая злоба бросала воинов одного на другого, пока меч дрожал в руке Менелая, Парис, постыдно бежавший с поля боя, спешит насладиться любовью с Еленой. Возмущенная его трусостью, она осыпает его оскорблениями, на что Парис отвечает:

Нет, не печаль мне, супруга, упреками горькими сердце,
Так, сего дни Атрид победил с ясноокой Афиной,
После и я побежду; покровители боги и с нами.
Ныне почнем с тобой и взаимной любви предадимся,
Пламя такое в груди у меня никогда не горело,
Даже в тот счастливый день, как с тобою из Спарты веселой
Я с похищенной бежал на моих кораблях быстролетных
И на Кранае сопрягся и первой любовью, и ложем,
Ныне пылаю тобою, желания сладкого полны...

Однако, несмотря на такое красноречие, мудрено поверить, что Парис терпеливо ожидал прибытия на остров Кранай, чтобы воспользоваться плодами своей победы, и что Елена не

отдалась ему раньше бегства из Греции; это было бы не естественно и не в характере любовников.

Но у Елены возвышенная душа, она не хочет наслаждаться, в то время как другие страдают. Она бранит Париса за лень и легкомыслие, видя, как он небрежно чистит свои доспехи, но тот невозмутим, чем вызывает ее ропот:

...Такие беды божества предназначали сами,
Пусть даровали бы мне благородного сердцем супруга,
Мужа, который бы чувствовал стыд и укоры людские...

Она величественнее, чем те, кто ее окружает. Если она покорилась велению Афродиты и бежала с Парисом, это не значит, что она потеряла свое благородство.

Когда Парис погиб под стенами Илиона, Елена недолго горевала, став супругой его брата Деифоба, ни на минуту не прервав любовных утех, зажженных в ней златокудрой Кипридой. В книгах судеб недаром сказано, что «ни одна смертная не может противиться богине!».

Фредерик Лейтон. Елена на стенах Трои

Военные успехи, все время переходившие от одной стороны к другой, побудили осадную армию прибегнуть к хитрости. Скульптор Эпей с помощью Афины-Паллады построил по мысли хитроумного Улисса огромного деревянного коня, в брюхе которого спрятали храбрейших вооруженных воинов. Оставив коня посреди лагеря, греки сели на корабли, делая вид, что отступают, и притаились за островом Тенедосом. Обрадованные троянцы выходят из города

и, увидев огромного коня, требуют, чтобы его привели в Трою и пожертвовали богам в благодарность за избавление от греков. Этому больше других воспротивилась красивейшая из дочерей Приама, Кассандра, обладавшая даром предсказания. Но за отказ стать супругой Феба она встречает полнейшее недоверие. Троянцы больше поверили греку Синону, проникнувшему, переодевшись нищим, в осажденный город и уверявшему, что враги погибнут, как только коня введут в Трою. Но Елена узнала Сиона и, заподозрив недобroе, ночью пришла в храм Афины-Паллады, где был поставлен конь, и, подражая голосам жен каждого из эпидских военачальников, спрятанных в брюхе гигантского животного, стала призывать их прекратить братоубийственную войну. Но и это не спасло Трои.

Улучив удобный момент, когда беспечные троянцы заснули, греки вышли из коня, напали на сладко спящих воинов Приама и открыли городские ворота; к ним поспешили остальные, и кровь рекою полилась по мраморным лестницам дворцов. Деифоб пал под ударом Атрида Менелая, который, найдя Елену, размахивает мечом над неверной, чтобы отомстить за свой позор, но вновь увидев ее лицо во цвете неувядаемой юности и красоты, он вспыхивает прежней любовью, меч падает из его рук, и он заключает Елену в свои объятия.

Старая Гекуба, пророчица Кассандра и вдова Гектора Андromаха становятся пленницами, в то время как дочь Тиндарея, возвращенная любезным мужем в Спарту, воцарилась в своих дворцовых покоях. В Элиде торжественно отпраздновали ее возвращение. Повсюду раздавались веселые песни в честь Менелая, счастливого владельца той, которую Гомер называет «благороднейшей из женщин». Что делать, она была причиной всевозможных бедствий, ниспосланных судьбой, но сама никогда не являлась их сообщницей.

Эврипид в своих «Троянках» говорит, что Менелай хотел убить Елену, но она принесла ему повинную за свое прошлое поведение, уверяла, что порывалась бежать к нему в греческий лагерь, но часовые не пропустили ее и что Деифоб после смерти Париса насильно сделал ее своей супругой. Павзаний добавляет в подтверждение, что видел статую, изображавшую Менелая, преследующего Елену с мечом в руках. В данном случае художник перешел границы истины: гнев Менелая моментально угас при виде обнаженной и трепетавшей груди, которую он не мог не целовать.

Из гомеровского рассказа мы узнаем, что Елена впоследствии спокойно жила с Менелаем. Когда Телемак в поисках своего отца пришел просить приюта у Менелая, он увидел, как

...к ним из своих благовонных покоев Елена
Вышла, подобная светлой, с копьем золотым, Артемиде...

На ее лице нет и оттенка смущения, она господствует в этом великолепном дворце, где, конечно, очень любезно принимает чужестранца. Когда разговор коснулся грустных тем,

В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Гореусладного, миртворящего, сердцу забвение
Бедствий дающего...

При появлении Елены ее красота заставляла забывать, скольким храбрым воинам в расцвете лет она помогла спуститься в мрачный Эреб. Кто посмеет бросить на нее хотя бы малейшую тень? Божественная красота не поддается поруганию и навсегда сохраняет свой небесный блеск! Невинная в преступлениях, совершающихся вокруг, она всегда отразит обвинения, сыплющиеся на нее.

Увы, судьба, покровительствовавшая этой очаровательной куртизанке в течение всей ее богатой приключениями жизни, подготовила ужасный конец супруге Менелая.

После его смерти незаконные сыновья Атрида, Никострат и Мегапенф, изгнали Елену из Спарты. Очевидно, Менелай во время пребывания супруги в Трое нашел утешение с другой женщиной, поэтому причиной Троянской войны правильнее будет считать не похищение Елены, а нарушение Парисом священных прав гостеприимства.

Изгнанная из Спарты, Елена искала убежища на острове Родосе, где царствовала до совершеннолетия своих двух сыновей Поликса, вдова Тлеполема, погибшего под стенами Трои. Считая Елену виновницей гибели своего мужа, Поликса задумала жестокую месть. Елена неожиданно приобрела в ней неумолимого врага и там, где надеялась найти покровительство, нашла смерть. Настал час, в который Парки произнесли свой приговор над головой спартанской царицы. Однажды, когда Елена купалась, Поликса подослала к ней убийц, женщин, наряженных фуриями. С громкими криками бросились они на «лилейно-раменную» красавицу, и подруга Тезея, вдова Менелая, Париса и Деифоба почувствовала на своей божественной шее ужасную веревочную петлю, долженствовавшую положить конец жизни дочери Леды и Зевса. Страшная казнь была придумана Поликсой, которая не могла без скрытого бешенства смотреть на женщину, не потерявшую своей красоты даже в несчастии. Зато с каким наслаждением глядела она, как это благородное и чистое лицо, шедевр божественного вдохновения, исказилось в конвульсиях агонии и как трепетало повешенное на дереве тело, когда-то полное сладострастия!

Но Елена должна была оставить по себе немеркнущую память. На том же самом Родосе, где она мучительно окончила свои дни, ей воздвигли храм, по словам Павзания, называвшийся храмом «Елены Дендритийской», и основали культ красоты, переживший века. Тот же Павзаний уверяет, что масса народа, говорящего о прекрасной Елене, и не подозревает, что она была повешена.

Другой греческий писатель Фотий настаивает на том, что Елена сама наложила на себя руки и что под деревом, на котором она повесилась, выросла травка, называемая *елененон*. Плиний, не оспаривая этой версии, прибавляет, что травка обладает чудесными свойствами: она дает женщинам красоту, а положенная в вино возбуждает веселость. Но не одни жители Родоса воздвигли храм в честь Елены, – Павзаний видел другой в Лакедемонии. Геродот рассказывает, что в ее храмах совершились чудеса, как, например, ослепление поэта Стезихора, дурно отзывающегося в своей поэме о Елене, и о возвращении ему зрения после того, как он написал *полинодию*, и о даровании красоты уродливой девушке.

Знаменитый греческий оратор Изократ (436—338 до Р. Х.) в панегирике Елене утверждает, что она не только бессмертна, но обладает божественной властью, позволившей ей включить своих братьев, Кастора и Поллукса, и супруга Менелая в сонм богов. Особенно похвальным мифология находит то, что, обожествив Менелая, Елена пожелала никогда с ним не разлучаться.

Говорят, что в Лакедемонии ей воздавали божественные почести, а в Фере построили храм даже в честь Менелая, почему и предполагают, что он погребен вместе с Еленой.

Обилие легенд, тесно связанных с жизнью этой царицы-куртизанки, разобраться в которых в настоящее время не представляется никакой возможности, служит ясным доказательством того обаяния, каким в античном мире пользовалась красота, в какой бы форме она ни выражалась. Греки всегда восторгались Еленой, и серьезные культуры, посвященные ей, постоянно защищали ее от возводимых обвинений. Как многие, она поддавалась увлечению, толкавшему ее к неизведеному; наподобие сладострастной и трогательной Афродиты, она привносит утешение и опьяняет мир, жаждущий идеала. Красота охраняет ее от упреков. Отчего ей краснеть? Это всесильные боги вложили в ее сердце такое всепожирающее пламя и бросили обезумевшую от волнений любви в объятия страстного смертного!..

«Страстная» Сафо

Если любовь – божественная страсть, более сильная, чем энтузиазм дельфийских жриц, вакханок и жрецов Цибелы, то Сафо или Сапфо – красноречивейшее ее олицетворение⁶.

К сожалению, все дошедшие до нас сведения об этой «царице поэтов» настолько разночтены, так переплетены со всевозможными легендами, что не представляется возможности нарисовать хоть сколько-нибудь схожий портрет знаменитой гетеры-поэтессы, «десятой музы», по мнению Платона. Расстояние, отделяющее ее от нас, слишком велико, чтобы можно было проверить данные, выдвигаемые всевозможными авторитетами, как нечто неоспоримое. Все эти противоречия несомненно доказывают, что существование Сафо не прошло в истории бесследно и что между многочисленными выдающимися женщинами античного мира она является личностью далеко не заурядной.

«Страстная» Сафо, как называли ее современники, родилась на острове Лесбос в городе Эросе в 42-ю Олимпиаду,⁶ за 612 лет до Р. Х. Отца ее звали Скамандронимом, мать – Клеидой. Кроме Сафо, у них было трое сыновей: Харакс, Ларик и Эврас; с первым из них мы встретимся позднее. Скамандроним, несмотря на свое аристократическое происхождение, занимался торговлей и имел хорошие средства. Сафо, едва достигнув шестилетнего возраста, осталась круглой сиротой. Когда в 595 году начались политические волнения, приведшие к ниспровержению аристократии, молодая девушка вместе с братьями бежала в Сицилию и только спустя пятна-

---

⁶ Очерт из книги Л.Л. Иванова «Вакханки и куртизанки».

дцать лет смогла вернуться на Лесбос. Она поселилась в городе Митилены, почему впоследствии ее и стали называть Сафо Митиленской, в отличие от другой Сафо – Эфесской, обыкновенной куртизанки, жившей гораздо позднее знаменитой поэтессы, но с которой ее зачастую смешивают.

Сафо, воспитывавшаяся в школе гетер, рано почувствовала призвание к поэзии. Ее страстная натура не могла утаить в себе чувства, волновавших ее. Она писала оды, гимны, элегии, эпиграфии, праздничные и застольные песни стихом, названным в честь ее «сафи–ческим». С лирой в руках она декламировала свои жаркие строфы, в силу чего ее и считают представительницей мелической (музыкально–песенной) лирики, очень близкой к теперешней мелодекламации. Все ее произведения – или призывы к любви, или жалобы на нее, полные страстной мольбы и горячих желаний. То немногое, что сохранилось от этих песен, позволяет нам считать вполне основательным и справедливым восторженное отношение древних к великой лирической поэтессе. По выражению Шиллера:

Тот лишь музами владеет,
Чья душа к ним пламенеет!..—

а у Сафо душа действительно пламенела. Недаром она оказала такое огромное влияние на Горация и Катулла, родственного ей по духу певца нежных чувств и страстей. Страбон называет ее не иначе, как «чудом», утверждая, что «напрасно искать в истории женщину, которая в поэзии могла выдержать хотя бы приблизительное сравнение с Сафо».

Антипатр Сидонский со своей стороны посвящает ей двустишие:

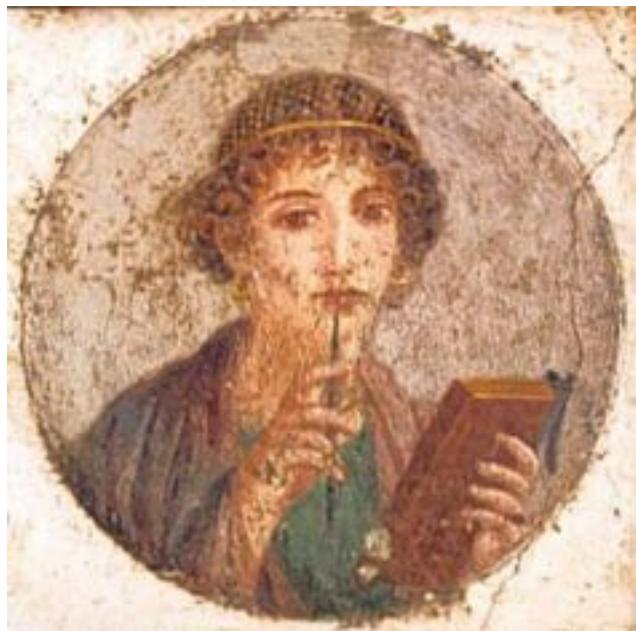
Сафо меня называли, и в песнях далеко всех женщин
Я превзошла, как Гомер превзошел всех мужчин
в своих песнях.

Солон, услышав однажды на пиру какое-то ее стихотворение, тотчас же выучил его наизусть, прибавив, что «не желал бы умереть, не зная его на память».

Сократ величит ее своей «наставницей в вопросах любви». «Сафо воспламеняет во мне любовь к моей подруге! – восклицает Овидий и советует: – Заучивайте наизусть Сафо, – что может быть страшнее ее!»

Увы, боги, даровавшие ей благородный и чистый гений поэзии, не позабочились об ее наружности. По свидетельству современников, Сафо была небольшого роста, очень смуглая, с живыми блестящими глазами, а если Сократ и называет ее «прекраснейшей», то исключительно за красоту стиха.

Вот что говорит Овидий устами Сафо: «Если безжалостная природа отказалась мне в красоте, ее ущерб я возмещаю умом. Я невелика ростом, но своим именем могу наполнить все страны. Я не белолица, но дочь Кефая (Андромеда) нравилась Персею». Однако можно поверить, что лицо поэтессы в моменты высшего вдохновения преображалось и становилось действительно прекрасным. Когда страсть клокотала в Сафо, когда ее трепещущие руки бряцали на лире, когда гармонические звуки сливались с ее вдохновенными строфами, когда все ее существо проникалось волнением божественного экстаза и энтузиазма любви, она не могла быть некрасивой.

Сафо. Помпейская фреска

У поэта Домохара читаем:

Светом чарующим блещут ее лучезарные очи,
Творческий дух отражая, ключом животворным кипящий...
Это лицо, озаренное мыслию и вместе улыбкой,
Нам говорит, что слились в ней счастливо
Киприада и Муза.

По возвращении Сафо из Сицилии между «десятой музой» и «ненавистником тиранов», поэтом Алкеем, ее товарищем по изгнанию, завязался роман, не имевший, однако, никаких серьезных последствий. Алкей, конечно, не мог не увлечься изящной, богато одаренной талантами девушкой. Называя предмет своей страсти «пышнокурдой, величавой, приятно улыбающейся», поэт заявляет, что хотел бы признаться ей в любви, но не решается: «Сказал бы, но стыжусь». Сафо ответила: «Когда бы то, что высказать ты хочешь, прилично было, стыд навряд смутил тебя». Несомненно, они были близки между собою, но близость эта не перешла пределов товарищества.

Вскоре после этого Сафо вышла замуж, за кого – неизвестно, спустя год родила дочь, названную в честь бабки Клеидой. Вот она пишет:

Дитя у меня есть родное,
Прелестное, точно цветочек,
Сияющий пышной красою!..
Я милой Клеиды
Не дам за нее злато Лидии,
Дитя мне дороже Лесбоса!..

Но безжалостная судьба недолго позволила ей наслаждаться семейным счастьем. Муж и горячо любимая дочь вскоре один за другим спустились в мрачное царство Галеса. Лишенная семьи, Сафо всецело отдается поэзии и переносит всю страсть своей натуры на - лесбийских девушек.

В те далекие времена на родине Сафо были женщины, известные своими противоестественными нравами, положившими начало так называемой «лесбийской любви». Отличаясь необыкновенным любострастием, они не удовлетворялись одними мужчинами и заводили сношения с себе подобными. То, что теперь считается отвратительным пороком, тогда не находили позорным, и лучшие писатели Греции и Рима прославляли лесбийских женщин на все возможные лады. Лесбиянки, помимо любовников, имели любовниц, возле которых возлежали на пирах, убаюкивали ночью в своих объятиях и окружали нежнейшими заботами. «Лесбиянки не любят мужчин», – восклицает греческий философ и сатирик Лукиан. Изобретение этой «лесбийской» или «сафической» любви почему-то приписывали Сафо. Однако тот же Лукиан в своих «Диалогах» протестует: «Женщины Лесbosа, – говорит он, – действительно были подвержены этой страсти, но Сафо нашла ее уже в обычаях и нравах своей страны, а вовсе не изобрела сама».

Новейшие критики, главным образом немецкие, относятся с полнейшим недоверием к свидетельству древних писателей, тем не менее немногие дошедшие до нас стихотворения Сафо разбивают скептицизм высоконравственных немцев. Да и трудно отрицать существование «лесбийской любви», когда «царица поэтов» является прямой ее выразительницей. Сафо должна любить, обожать, поклоняться всему, что истинно прекрасно, а что прекраснее женщины?..

В это время Сафо становится во главе риторической школы, существовавшей в Митиленах, хотя некоторые писатели утверждают, что она сама основала ее, назвав «Домом Муз», куда стремились не только лесбиянки, но и чужеземки. Из многочисленных ее учениц особенно прославились: Эрина Феосская, Миртис Антодонская, Анагра Милетская, знаменитая Коринна Танагрская, Андромеда и Аттида, две последние, впрочем, только благодаря стихам Сафо, давшим им бессмертие. Страсть к подругам, несомненно, возбуждала в ней необыкновенный экстаз. Высказанное предположение получает подтверждение при чтении оды «К моей любовнице»:

Блаженством равен тот богам,
Кто близ тебя сидит, внимая
Твоим чарующим речам,
И видит, как в истоме тая,
Из этих уст к его устам
Летит улыбка молодая.
И каждый раз, как только я
С тобой сойдусь, от нежной встречи
Трепещет вдруг душа моя
И на устах немеют речи,
И чувство острое любви
Быстрые по жилам пробегает,
И звон в ушах... и бунт в крови...
И пот холодный проступает...
А тело, – тело все дрожит...
Цветка поблекшего бледнее
Мой истомленный страстью вид...
Я бездыханна... и, немея,
В глазах, я чую, меркнет свет...
Гляжу, не видя... сил уж нет...
И жду в беспамятстве... и знаю —
Вот, вот умру... вот умираю.

Перевод В. В. Крестовского.

Что бы ни говорили немецкие критики, трудно поверить, что вышеприведенные строфы продиктованы только дружбой; к тому же и само заглавие не оставляет сомнений. Невозможно, чтобы та, которой посвящены эти строфы, не занимала видного места в жизни Сафо. Это – пароксизм страсти, чувствуется, что женщина обезумела от любви и в самом деле вне себя, что ее энтузиазм является последней каплей и что, трепеща от желаний, она действительно способна умереть. Это ревнивая и горькая жалоба на хладнокровие или равнодушие той, к которой она питала пылкую страсть.

Возьмите другое стихотворение: «Любовь, разбившая мои члены, снова обуревает меня, сладострастная и лукавая, точно змея, которую нельзя задушить. Аттида, ты ненавидишь воспоминание обо мне и стремишься к Андromеде»...

Итак, как видите, у Сафо были соперницы, она пережила все мучения ревности, глядя на подругу, которая предпочла ей другую. В бессонную ночь она зовет Аттиду, «обожаемую любовницу», на свое одинокое ложе и призывает смерть, не будучи в состоянии покорить бесчувственное сердце.

«Мои песни не трогают неба, – жалуется она, – молитвы Андромеды услышаны, а ты, Сафо, напрасно молишь могущественную Афродиту!» Что может быть драматичнее чувств, поочередно бушующих в ней! «Мое горе, – говорит она с тоскою, – тайна моего сердца... Когда-то, Аттида, я любила тебя!»...

Форма ее стихотворений напоминает любовные монологи, по которым легко уследить за разнообразными перипетиями ее страданий. «Ты забываешь меня или любишь другую смертную?.. Ах, хоть бы ветер рассеял удручающее меня горе!»

Измена Аттиды особенно волнует Сафо. «Я видела ее, она рвала цветы... молоденькая девушка, с цветочной гирляндой, опутывавшей ее прекрасную шею»... Но идиллическое спокойствие нарушено при воспоминании об Андromеде... «Неужели, Аттида, – спрашивает Сафо, – это она очаровала твое сердце?.. Женщина, дурно одетая, не знающая искусства походки, в одежде с длинными складками?.. Но я незлопамятна, – прибавляет она, – это чувство чуждо моему сердцу, оно его не знает!»

Достаточно и этих примеров, чтобы осознать, что подобная натура не могла удовлетворяться одною дружбой, ей необходимо увлечение, бури сильных страстей.

«Любовь разрушает мою душу, – объясняет Сафо, – как вихрь, опрокидывающий нагорные дубы».

Страсть пожирает ее: «Что касается меня, я буду отдаваться сладострастью, пока смогу видеть блеск лучезарного светила и восторгаться всем, что красиво!»...

Сафо обожала всякий предмет, без различия пола, могущий дать ей наслаждение и сладкое опьянение чувств.

В разгар пира, когда в кубках кипело вино, называемое «молоком Афродиты», Сафо в страстной позе возлежала около Аттиды, Горго или Телезиппы, «прекрасной воительницы», упиваясь сладостью любовных отношений. Иногда, впрочем, она жаждет присутствия мужчин, к которым также неравнодушна. Вот слова, влагаемые нашим бессмертным Пушкиным в уста Сафо:

Счастливый юноша, ты всем меня пленил:
Душою гордою, и пылкой, и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

Музыка не меньше опьяняет и восторгает ее:

«Я спою для моей возлюбленной.
Вперед, моя божественная лира,— говори!
Стрекоза с гармоническим жужжаньем
трепещет крылышками в знойное лето,
сжигающее нивы;
я, как она, трепещу, сожженная дыханием любви».

Но если Сафо легче других поддавалась законам любви,— любовь рождала в ней истинную поэзию.

Некоторые писатели предполагают, что стихотворение Сафо «К моей любовнице» посвящено Родопе, которую поэтесса ревновала к своему брату Хараксу. Вот что рассказывает Апулей.

Около 600 года (до Р. Х.) в Египте, в царствование фараона Амазиса, проживала красавица куртизанка, по имени Родопа, фракийская уроженка⁷. Харакс, занимаясь виноторговлей, частенько ездил на корабле, нагруженном лесбосским вином, в Египет и однажды в городе Навкратисе увидел красавицу, в которую не на шутку влюбился, за огромную сумму выкупил ее из рабства и привез в Митилены. Сафо, познакомившись с ней, воспылала к куртизанке жгучей страстью, на которую та и не думала отвечать. Эта холодность сводила с ума поэтессу, сгоравшую от желаний. Постоянные ссоры между братом и сестрой заставили Харакса увезти Родопу обратно в Навкратис, где он надеялся быть единственным обладателем красавицы. Но судьба, очевидно, шла против него. Как-то раз, когда Родопа «погружала свое разгоряченное тело в студеные нильские воды», орел унес одну из ее сандалий и по странной случайности уронил перед фараоном Амазисом, стоявшим в преддверии храма в ожидании жертвоприношения. Сандалия оказалась необыкновенно миниатюрной, фараон во что бы то ни стало пожелал найти ее владелицу, обладавшую, без сомнения, восхитительными ножками. Придворные отправились на поиски и после очень долгих странствий отыскали красавицу и привезли к своему владыке. Очарованный Родопой, Амазис, по одним слухам — женился на ней, по другим — сделал своей любовницей, но так или иначе она оказалась навсегда потерянной для Харакса. Неомненно, эта легенда явилась оригиналом сказки «Золушка». Надо еще прибавить, что в Греции египетскую куртизанку прославляли под именем Дорика, а стихи Сафо обессмертили любовницу ее брата.

Потерявший Родопу и почти все свое состояние, Харакс должен был выслушать от сестры много горьких истин, вызванных частично разорением, частично ревностью. Овидий так передает настроение Сафо:

«Бедный брат, охваченный любовью к прелестнице, воспыпал страстью к ней, нанеся себе ущерб, соединенный с позором. Обеднев, он плавает на легких веслах по лазурному морю и теперь напрасно ищет богатств, неразумно потеряв их. Он ненавидит меня за правдивые упреки. Вот что дала мне свобода, вот что дал мне любящий язык!»...

Полагают, что Сафо умерла около 572 года⁸, покончив жизнь самоубийством. По мнению древних, такая необыкновенная женщина «с божественной печатью на челе», конечно, не могла сойти в мрачный Эреб, следуя примеру простых смертных. И жизнь ее, и смерть должны быть отмечены чем-нибудь легендарным, иначе она потеряет все обаяние. Для оправдания своих предположений, желая уверить потомство в правдоподобности их, придрались к оде Сафо, озаглавленной «Гимн Афродите». Вот он:

Златотронная, юная, вечно прекрасная.

---

⁷ Более подробный очерк об этой героине читайте в главе «Египет» (*прим. ред.*).

⁸ до н.э.

Дочь Зевса, плетущая ковы любви,
Я взываю к тебе: «Пощади!..
Не терзай, Афродита всевластная,
Истомленной терзаньем груди.
Но явпся и ныне могучей царицею!»...
Прежде часто на зов моей грустной мольбы,
Дом отцовский оставивши, ты
Со златою своей колесницею
Прилетала ко мне с высоты.
Быстролетною стаей воробышки нежные
На трепещущих крыльях богиню Любви
Чрез пространства эфира безбрежные,
С олимпийского трона везли.
Отпустив их назад, вопрошала, блаженная,
Ты меня, улыбаясь бессмертным лицом:
Что случилось? Тоскую ль о чем,
Или, новой бедой угнетенная,
Я зову тебя в горе моем?
И чего я с таким безрассудным томлением
Все ишу и прошу, и кого, полюбя,
Сетью нежною думала я
Уловить?.. «Кто холодным презрением
Оскорбляет, о Сафо, тебя?
Пусть теперь он бежит, но с тревогою страстью
Скоро будет везде за тобою следить;
Пусть не принял даров, но дарить
Будет сам он подругу прекрасную,—
Он не любит, но будет любить...»
О, приди же и ныне, и в тяжком томлении,
Изнывающей – дай мне свободно вздохнуть,
И, чего истомленная грудь
Жаждет так, дай тому исполнение
И сама мне помощницей будь!..

Перевод В. Водовозова

Кто же был тот, кто внушил Сафо такие страстные мольбы? Легенды указывают на молодого грека Фаона, за деньги перевозившего желающих с Лесбоса или Хиоса на противоположный азиатский берег. Однажды Афродита под видом старухи попросила перевезти ее. Исполнив желание незнакомки, Фаон отказался от платы, за что будто бы богиня подарила ему чудодейственную мазь, превратившую его в красивейшего из всех смертных. Сафо страстно влюбилась в него, но, не найдя взаимности, бросилась с Левкадской скалы в море. По преданиям, тот, кто страдал от безумной любви, находил на Левкаде забвение.

Однако некоторые писатели, не упоминая даже, при каких обстоятельствах умерла Сафо, похождение с Фаоном относят к Сафо Эфесской.

В честь Сафо митиленцы вычеканили ее изображение на монетах. Можно ли сделать что-нибудь большее для царицы? По словам Плиния, существовал портрет Сафо кисти художника Леонта.

Французский публицист Шеве (1813—1875) рассказывает, что римляне воздвигли ей статую из порфира, работы Силениона. Цицерон подтверждает это, упрекая Вара за то, что тот

увез из Пританеи превосходнейшую статую Сафо. Каковы были эти различные олицетворения лесбосской гетеры у народа, доведшего до бреда, до безумия поклонение красоте?.. В его глазах мрамор одухотворялся – искрой жизни сияло чело, родившее песни, перед которыми эллины с благоговением преклонялись, и дивная статуя вешала им:

«Я любила, я многих в отчаянии призывала на свое одинокое ложе, но боги ниспослали мне высшее толкование моих скорбей... Я говорила языком истинной страсти с теми, кого сын Киприды ранил своими жестокими стрелами... Пусть меня бесчестят за то, что я бросила свое сердце в бездну наслаждений, но, по крайней мере, я узнала божественные тайны жизни! Моя тень, вечно жаждущая идеала, сошла в чертоги Гадеса, мои глаза, ослепленные блестящим светом, видели зарождающуюся зарю божественной любви!»...

Лучшую эпитафию великой греческой поэтессе оставил Пинит:

Пепел лишь Сафо да кости, да имя закрыты землею,
Песне ж ее вдохновенной бессмертие служит уделом!..

Аспазия

Перикл и Аспазия. Древнегреческие бюсты

Вот имя, которое переносит нас в самый блестящий период античного мира, в период яркого расцвета эллинского гения⁹. Если Елена Спартанская олицетворяет собой красоту, Сафо Митиленская – страсть, то Аспазия Милетская бесспорно является олицетворением ума, ставящего ее выше всех греческих женщин. Эта Гера Перикла – Олимпийская – царствовала в демократических Афинах, управляя судьбами города; будучи в нем иностранкой; она возвестила свободу соотечественницам в стране, законы и обычаи которой держали женщину под непрерывной опекой, превратив древний гинекей в политический салон. Это она создала из Перикла политика, из Сократа – диалектика, из Алкивиада – стратега и государственного мужа. Недаром уверяли, что в ее теле обитает душа Пифагора!

Приблизительно около 455 года (до Р. Х.), в 82-ю Олимпиаду, из Мегары в Афины приехала красивая двадцатилетняя девушка или женщина, чтобы основать школу риторики. Вместе с нею прибыли несколько молодых гречанок, желавших посвятить себя тайнам наук. Появление их произвело сенсацию; тотчас же навели справки и узнали, что новоприбывшие – коринфские куртизанки, во главе которых стояла милетская гетера, по имени Аспазия. Они поселились все вместе, держали открытый дом, занимались политикой, философией, всевозможными искусствами и охотно допускали желающих на свои собрания. Не привыкшие к подобного рода зреющим, афиняне сперва из простого любопытства начали наведываться в гостеприимный дом, куда их привлекала красота приезжих женщин, а затем его стали посещать увлеченные научными вопросами, разрешавшимися там. В салоне Аспазии можно было встретить философов: Анаксагора с его учеником Еврипидом, убежденным женоненавистником, Зенона, Протогора, врача Гиппократа, ваятеля Фидия и чаще других – Сократа, постоянного посетителя собрания

---

⁹ Очерт из книги Л.Л. Иванова «Вакханки и куртизанки».

великих умов. Какие речи должны были произноситься там, какие возникали споры! Сколько наслаждений обещали красивые коринфянки афинским мужам, посещавшим их собрания, которыми руководила «прелестная милезианка» Аспазия!.. Ее ум, здравый смысл, остроумие, красноречие, уменье слушать и вести споры невольно заставляли присутствующих с благоговением внимать речам необыкновенной красавицы.

О, красота еще прекраснее бывает,
Когда огонь речей в ней искренность являет.
Прекрасен розы вид, но более влечет
К цветку нас аромат, который в ней живет!

*Шекспир. «Сонеты»
перевод И. Гербеля*

Вести об этом вскоре проникли в гинекеи, и затворницы – законные супруги – в свою очередь захотели познакомиться с удивительной женщиной, смело высказывавшей собственные мнения в присутствии мужчин, не боясь скомпрометировать себя. Это вызвало целую революцию. Афинянки разделились на две враждебные партии: одни, стоявшие за Аспазию, требовали и себе полнейшей свободы; бывшие против нее отстаивали неприкосновенность гинекея. Первые, более решительные, стали посещать собрания «прелестной милезианки» и выходили оттуда, многому научившись. Например, жену Ксенофона Аспазия учит супружеским обязанностям, жену Истиомаха – ведению хозяйства, для каждой посетительницы у нее готовы полезный совет и нравственное поучение. Обычной темой разговоров в салоне Аспазии был брак, условия которого, утвержденные воинскими законами, «милетская гетера» находила возмутительными и старалась разъяснить это своим слушательницам.

«Каждая женщина, – внушала она, – должна быть свободной в выборе мужа, а не выходить за назначенного ей родителями или опекунами; муж обязан воспитать свою жену и разрешать ей высказывать свои мысли; гинекей – плохая школа; жена – подруга мужа, а не самка; при существующем отношении к браку на каких принципах возможно воспитание детей?»

Надо сознаться, что Аспазия выражалась слишком смело и вряд ли могла рассчитывать на сочувствие мужей, совершенно неразделявших этих взглядов. Зато женщины были в восторге и верили гетере, как оракулу, рассказывая повсюду, что она вместе с высшими достоинствами женщины соединяет все качества мужчины. Она – поэт, философ, оратор, государственный человек.

Аспазия. Гравюра времен Просвещения

Разумеется, такая женщина не могла не заинтересовать Перикла, знаменитого правителя Афин. В это время он уже имел двух сыновей, Ксантиппа и Паралеса, от своей законной супруги, имя которой осталось неизвестным, и таким образом, исполнив долг гражданина, начинал тяготиться семейными узами, втайне мечтая найти достойную подругу своему сердцу. Именно тогда «Аспазия» т. е. «желанная», «любимая», появилась на его пути. Однажды Сократ, близкий друг правителя, не стеснявшийся всюду называть «прелестную милезианку» своей «несравненной учительницей», предложил Периклу посетить ее салон. Предложение отвечало желаниям великого государственного мужа, и Аспазия имела удовольствие принять у себя того, кого афиняне называли «Олимпийцем». Зевс нашел свою Геру! Эти два великих ума эпохи сразу почувствовали влечение друг к другу. Кто знает, кем бы стал Перикл без Аспазии и Аспазия без Перикла! Судьба ничего не могла придумать лучшего, как свести их.

Но положение любовницы не удовлетворяло честолюбия Аспазии. Ей казалось слишком унизительным быть только сожительницей Перикла, не имея прав на уважение, которым пользовались законные супруги афинских граждан, способные только рожать детей; она хорошо их узнала. Перикл, очарованный красотой и умом своей любовницы, вполне разделял ее мнение и в один прекрасный день развелся, по обоюдному согласию, с женой, дал ей приданое и выдал замуж, оставив сыновей при себе. Таким образом, желание Аспазии исполнилось!

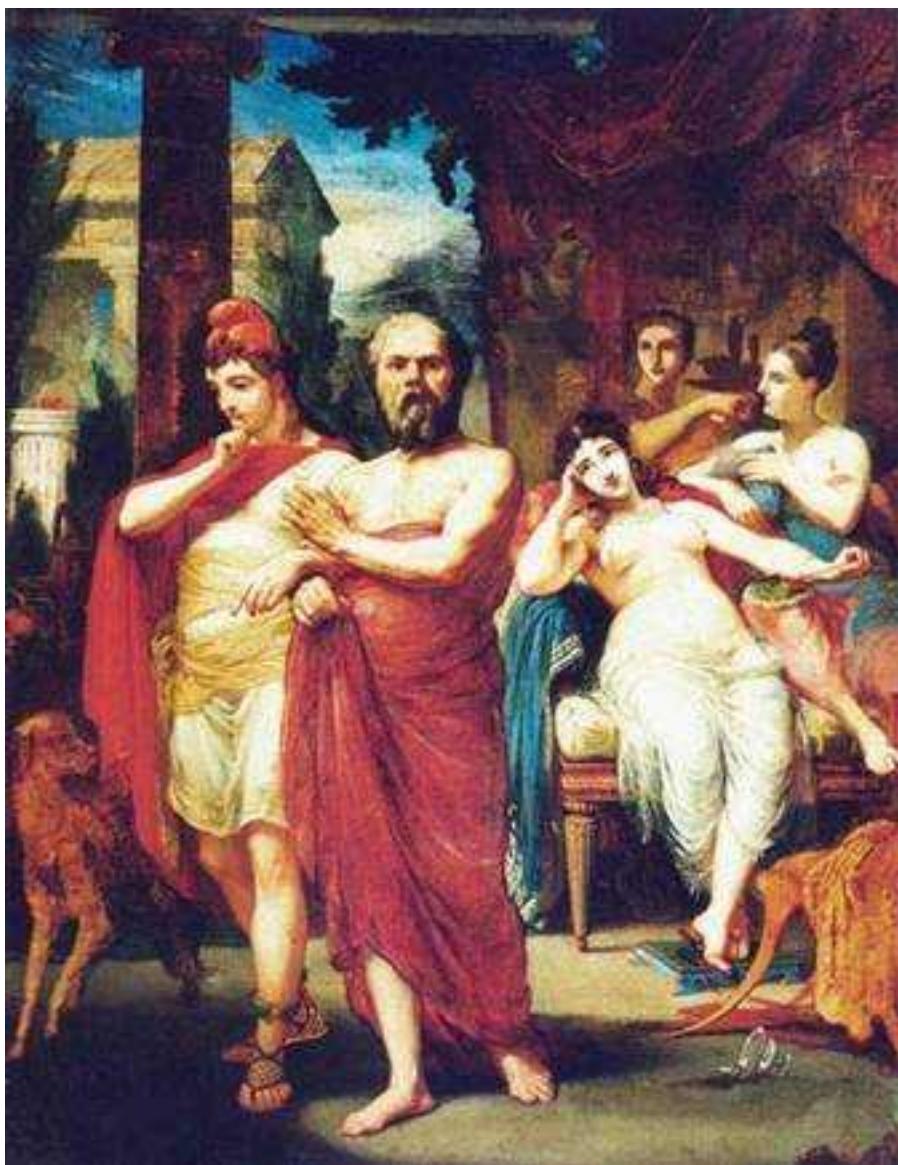
Она стала супругой «Олимпийца» и водворилась в его доме, превратив гинекей в открытый политический салон, разрешив знаменитым гостям Перикла переступить священный порог этого до сих пор недоступного мужчинам места. Там, окруженнная афинянками, не боявшимися злословия, и иностранками, радушно принятymi в доме правителя, Аспазия является во всем великолепии своего ума и красноречия. Ее салон стал местом свидания всех тех, кто готовился по примеру Перикла вести борьбу за народное дело. Мужчины, например Лизикл, впоследствии женившийся на супруге «Олимпийца», будучи безродным торговцем баранами и обладавший только эллинской сметкой, учился там логике, красноречию, политике и стратегии, сумев настолько хорошо воспользоваться уроками, что с течением времени занял в Афи-

нах одну из важных государственных должностей. Что касается Алкивиада, самого талантливого ученика второй супруги Перикла, его жизнь и деятельность слишком много лестного говорят об учительнице, чтобы нужно было повторять это.

Действительно ли милетская гетера была законной супругой Перикла? Вопрос, на который ответить очень мудрено. Одни утверждают, другие отрицают возможность подобного брака. Кому верить? Известно, что любому афинскому гражданину разрешалось открыто иметь любовницу-куртизанку, к какой бы национальности она ни принадлежала, но закон строжайше воспрещал ему жениться на чужеземке. Преступивших этот закон беспощадно карали: жена продавалась, как наложница, муж, помимо уплаты огромного денежного штрафа, терял все свои гражданские права, а их дети признавались незаконными и лишались звания афинянина. Положим, браки с иностранками были нередки, но держались в секрете, так как при заключении их приходилось прибегать к противозаконным средствам – подкупу, подлогу, раскрытие которых влекло за собой весьма дурные последствия. Когда Аспазия родила сына, названного в честь отца Периклом, его признали незаконным, из чего следует заключить, что Аспазия была только любовницей правителя Афин, а не женой. Однако, с другой стороны, Перикл, открыто называвший «прелестную милезианку» своей супругой, публично при встречах и прощаниях целовавший ее, вряд ли рискнул бы это делать, зная суровость афинских законов. Итак, вопрос остается открытым.

Но если даже Аспазия была только любовницей «Олимпийца», большинство афинян уважали ее, как жену своего покровителя, обладавшую вместе со свободой гетеры солидностью законной супруги. Вопреки наветам врагов Перикла, его друзья искренне восхищались ее умением держать себя. Аспазия была первой и, быть может, единственной женщиной в Афинах, вокруг которой группировались выдающиеся люди эпохи, беседовавшие с нею о серьезных делах, выслушивая с благоговением ее мнение, следя ее советам. Для Сократа, Фидия и Анаксагора она была преданной, умной подругой, для Перикла – любовницей и женой, радостью его жизни, очарованием его домашнего очага и поверенной каждого дня. Она знала тайну речей, разглаживающих морщины, любовь, утешающую всякое горе, и ласки, опьяняющие ум.

Связь Перикла с Аспазией была предметом постоянных насмешек и оскорбительных намеков со стороны его политических врагов. Уверенные, что правитель смотрит на все глазами своей сожительницы, ее величали то «Еленой второго Менелая», то «Омфалой», то «Деянирой нового Геракла», утверждая, что эта «хищница с собачими глазами» сделала из жилища Перикла настоящий дом терпимости, наполненный куртизанками и даже замужними афинянками, которые своим развратом помогали мужьям в их политической карьере.

Сократ и Алкивиад у Аспазии. С картины Педро Америко

Поэты, писатели, драматурги не стеснялись позорить женщину, виновную только в том, что она была умнее их и не обращала ни малейшего внимания на все укоры, чем еще больше раздражала клеветников. Аспазию считали злым гением Перикла, вдохновительницей его неосторожной политики и самовластных поступков; упрекали за громадные расходы, которые Перикл будто бы черпал из государственной казны, чтобы платить за ненужные работы друзьям своей супруги; утверждали, что правитель, поддававшийся всем капризам Аспазии, был способен пожертвовать ради нее славой и процветанием Афин; намекали даже, что благодаря ее влиянию он мечтал о тирании.

Откуда же взялась такая необыкновенная женщина, столь сильно повлиявшая на жизнь Афин? На основании слухов и сплетен недруги составили краткую биографию Аспазии, не подтвержденную, впрочем, никакими документами.

Сожительница Перикла была дочерью некоего Аксиокуса, человека выдающегося ума, имевшего благотворное влияние на своих близких, чем и объясняются таланты и способности его дочери. Аспазия родилась в 76-ю Олимпиаду, около 475 года (до Р. Х.), в городе Милете, одном из самых процветающих на Ионийском берегу. Славное военное прошлое способствовало развитию в нем промышленности и торговли, торговля принесла богатство, богатство

создало разврат. Милет настолько же славился своими философами, как и куртизантами. Это был в одно и то же время Афины и Коринф Ионии, явившийся лучшей школой для Аспазии, гетеры-философа. Если верить поэтам, в детстве ее похитили и увезли в Мегару или Коринф, где она росла в качестве невольницы в руках своих похитителей, постаравшихся, насколько было в их средствах, развратить ее. Вскоре, однако, благодаря красоте и уму, ей удалось понравиться какому-то богатому афинянину, который выкупил ее и дал свободу. В сущности, подобный роман – удел всех гетер. По другим слухам, Аспазия до прибытия в Афины никуда не выезжала из Милета, где вела жизнь куртизанки, подражая знаменитой Фаргелии, имевшей четырнадцать любовников, правителей города, и умершей замужем за тираном Фессалии, отдаваясь только самым знатным гражданам. Правда ли это? Большинство древних авторов не называют никого, кроме Перикла и Лизикла, живших с Аспазией, и то не в качестве любовников, а законных мужей. Главное несчастье для Аспазии заключалось в том, что в Афинах она была иностранкой, стоявшей как бы вне закона. Перикл, женившись на ней, совершил поступок, ничуть не поражающий нас, но, несомненно, он преступил закон и оскорбил освященные временем идеи своих сограждан. Никогда Афины не хотели видеть в Аспазии законную жену Перикла, отчего и считали ее только сожительницей, за глаза называя куртизанкой.

Перикл и Аспазия. С картины Гарнело

В 440 году возникло крупное недоразумение между Милетом и Самосом по поводу небольшого города Приена, лежащего на азиатском берегу. Перикл предложил враждующим сторонам, находившимся под протекторатом Афин, прислать своих выборных, чтобы мирным путем разрешить конфликт, но самосцы не согласились и под предлогом, будто вмешательство Афин являлось злоупотреблением властью, объявили себя независимыми. Афиняне не могли потерпеть такого оскорбления, в котором видели происки персов, и по инициативе Перикла стали готовиться к войне. Политический центр, каковым был салон Аспазии, не мог пропу-

стить такого важного государственного события, чтобы страстно не обсудить его. Легко можно поверить, что Аспазия, как милезианка, горячо отстаивала права своих сограждан. Вокруг нее, выражаясь современным языком, собиралась «милезианская колония», и естественно, что ее интересы и желания были на стороне жителей Милета. Возможно, что Перикл, находившийся под постоянным давлением партии своей супруги, сочувственно отнесся к жалобам ее родного города. Ведь и государственный человек не застрахован от интимного влияния близких ему.

Говорят, что Аспазия сопровождала Перикла во время этой кампании со множеством куртизанок, хорошо заработавших, так как война продолжалась около девяти месяцев. В конце концов, самосцы сдались, согласились срыть свои укрепления, отдать Афинам свой военный флот и уплатить контрибуцию. Экспедиция против Самоса, пример которого мог повлечь за собой возмущение других городов, находившихся под протекторатом Афин, еще сильнее утвердила могущество афинян, не стоив им при этом ни одной драхмы благодаря огромной контрибуции, взысканной с непокорных. Но враги Перикла стали распространять слухи, что дело могло уладиться мирно, если бы не вмешалась «милетская хищница с собачьими глазами, погубившая столько храбрых граждан и заставившая матерей проливать горючие слезы».

Портрет Аспазии. Джозеф Кооманс, 1872.

Однако напасть прямо на Перикла они еще не решались и задумали обрушиться на лучших его друзей, чтобы сильнее поразить правителя. И вот бездарный поэт Гермипп предъявил обвинение Анаксагору, Фидию и Аспазии в атеизме, развращении молодых девушек и сводничестве, карающихся по воинским законам смертью. В качестве свидетеля по первому пункту он выставил раба Перикла, слышавшего разговоры обвиняемых о божественных предметах, к которым, по его мнению, они относились с явной насмешкой; относительно второго пункта поэт-клеветник ограничился сплетнями, утверждавшими, что Аспазия, жившая с Периклом уже двенадцать лет, потеряла свои прелести, но, желая удержать возле себя любовника, принимала куртизанок, замужних женщин и юных афинянок, чтобы сводить их с «Олимпийцем». Несмотря на шаткость доказательств, обвиняемые находились в большой опасности. Вдохновенный Фидий умер в темнице, не дождавшись оправдания, Анаксагор бежал из страны, где клевета сильнее разума. Быть может, Аспазия и последовала бы его примеру, но Перикл, слишком искренно любивший супругу, удержал ее от ложного шага, который враги, наверное, истолковали бы по-своему и, конечно, не в пользу беглянки. К тому же в это время великий человек нуждался в поддержке, чувствуя, что общественное мнение против него. Уже поговаривали о привлечении его самого к суду за лихоимство и несправедливость.

Аспазия храбро предстала перед ареопагом. Так как афинские законы не разрешали женщинам защищаться самим, Перикл выступил защитником своей возлюбленной. В умышленно краткой, но содержательной речи, касавшейся первого пункта обвинения, Перикл, щадя религиозные суеверия и предрассудки судей, блестяще оправдал Аспазию. По второму пункту он выступил с пространной речью. Гордо опровергая клевету Гермиппа, падавшую и на самого защитника, он разбудил в суровых судьях чувство сожаления и великодушия. Страстность Перикла в борьбе с подлой клеветой, боязнь увидеть любимую женщину вырванной из его объятий, желание смыть пятно, брошенное на нее, придало необыкновенные силы защитнику, вдохновение и красноречие его выступления достигли высшей степени! Этот суд стал зрелищем, какого никогда больше не видели судьи и граждане Афин! Слезы, которых ничто не могло исторгнуть из стоической души Перикла, ручьем лились из его глаз. Могли ли судьи после всего этого не согласиться с ним? Итак, заговор не удался!

Возраставшее значение Афин тревожило Спарту. Трижды спартанцы являлись в Афины и, поощряемые афинской олигархической партией, надеялись свргнуть Перикла, заботившегося о благосостоянии государства. Однако все происки оказались тщетными. Тогда пелопоннесцы потребовали, чтобы Афины признали самостоятельность всех городов, подвластных им, но, получив отказ, без объявления войны напали ночью на город Платен (431 г. до Р. Х.). Захвата города нельзя было допустить, и афиняне под предводительством Перикла выступили на защиту родины. Так началась «пелопонесская» война.

Но и на этот раз политические враги Перикла не могли оставить в покое Аспазию. Они уверяли, что война началась из-за похищения мегаринцами двух куртизанок, живших в доме Перикла. «Гера» разгневалась, «Олимпиец» метнул молнию, и кровь полилась! Мы знаем, насколько нелепы были подобные рассказы.

Надгробная речь, произнесенная Периклом при погребении воинов, павших в этой войне, по утверждению Сократа и Платона, была составлена Аспазией. Вот несколько отрывков из нее.

«Общественное погребение и свидетельства почтения и скорби при виде павших за отчество граждан красноречивее говорят о нашей благодарности, чем это в состоянии сделать слово... Мы могли бы достойнее справить торжественный обряд молчанием. Но обычай требует речи; прежде всего я хочу говорить о нашем великом государстве, за которое проливали кровь эти воины... Республика наша велика и славнее всех; трудами и жертвами наших отцов она так расцвела, а мы наслаждаемся этим процветанием... Мы живем при таком государственном устройстве, благодаря которому все граждане равны перед законом, в то же время граж-

дане, имеющие средства, внутреннее достоинство и таланты, могут достигнуть общественного почета и стать благодетелями государства. Далее, у нас есть средства сделать себе жизнь приятною, ибо здесь мировой рынок, куда стекаются произведения отдаленнейших стран... Если лакедемоняне готовятся к войне суровым воспитанием с самого раннего детства, то мы доказали, что при наших более легких обычаях и привычках мы приготовлены к ней не менее их. Таким образом, мы соединяем интерес к тому, что прекрасно и приятно, с образом жизни, делающим человека способным к воинским напряжениям; мы стремимся к образованию и обширным знаниям, не теряя при этом своей силы. Мы мужественны и готовы на крайнее, потому что мы не боимся ужасов войны и в то же время умеем в полной мере пользоваться дарами мира. Таково государство, за которое эти воины с честью погибли на поле брани, дабы оно не было оскорблено в своих правах, и за которое оставшиеся в живых также охотно будут терпеть, сражаться и, если на то будет воля богов, умрут!»¹⁰.

Надо признать, что женщина, способная составить подобную речь и так понять афинскую душу, не будучи прирожденной афинянкой, уже одним этим заслужила бессмертие. Нам известно также, что она научила Перикла, как нужно произнести эту речь, произведенную на слушателей столь глубокое впечатление. Поэтому становится вполне понятным то поклонение, которым окружали Аспазию ее искренние друзья.

Кровопролитная война еще продолжалась, когда на Афины обрушилось другое несчастье, более ужасное, более беспощадное – чума, угрожавшая уничтожением города. Спасения ждать было неоткуда. Афиняне не успевали погребать жертвы чудовищной болезни. Плач и

¹⁰ Вегнер «Эллада», перевод под редакцией профессора В. И. Модестова.

стенание оглашали Афины. Ряды друзей Перикла и Аспазии заметно редели. Вслед за сестрой «Олимпийца» чума унесла в могилу и двух его сыновей от первого брака, Ксантиппа и Паралеса. Удар был слишком жесток и страшно повлиял на Перикла. Только Аспазия могла хоть немного смягчить тяжелое горе, ниспосланное на голову ее мужа несправедливой судьбой; лишь возле этой удивительной женщины афинский полубог нашел успокоение от пережитых страданий. Но ведь от Аспазии он имел сына? Да, незаконного, непризнаваемого афинянами. Следовательно, род знаменитого афинского деятеля, поднявшего свою родину на недосягаемую высоту, должен навсегда угаснуть? Эта мысль сводила Перикла с ума, и он задумал свершить то, на что еще никто не отваживался, свершить, даже не надеясь на благополучный исход, зная враждебное отношение со стороны народной партии. Но он ошибался. Смерть его законных сыновей и непримиримое отчаяние великого человека сделали свое дело. Народные симпатии вернулись к Периклу, и когда он на собрании поднял вопрос о признании законным сына, рожденного Аспазией, его самое заветное желание осуществилось. Его брак с иностранкой, в нравственности которой уже никто не сомневался, был признан...

События последнего времени расшатали крепкое здоровье Перикла, и он скончался в середине 426 года. Аспазия осталась одинокой в стране, относившейся к ней после смерти «Олимпийца» далеко не дружелюбно. Она должна была иметь возле себя надежного защитника и исключительно ради этого вышла замуж за Лизика, когда-то ее ученика, превратившегося теперь в полководца. Через полтора года Аспазия, имевшая уже от Лизика сына, по имени Пориста, вторично овдовела: ее муж погиб в одном из сражений. Тогда вместе с сыном она удалилась из Афин, где когда-то царила, и умерла в неизвестности. Звезда «Олимпийца» закатилась вместе с ним!

В сущности, биография Аспазии начинается с ее связи с Периклом и кончается его смертью. Эта удивительная женщина не имеет своей истории, но ее окружает легенда, создавшая из милетской гетеры идеальную личность, которая живет в воспоминаниях, как дивная муз века Перикла!

Перикл и Аспазия в студии Фидия.

БЛУДНИЦЫ АНТИЧНОЙ ЭЛЛАДЫ

Посещение куртизанок в античные времена не только не марало мужчину, но даже бросало на него лоск необходимого воспитания.

Однако, не должно думать, что проститутки всегда оставались безнаказанными.

В известные минуты против них издавались жестокие запрещения.

Если обратиться к современным рассказам, Афинский Ареопаг оказывался беспощадным, когда распространение проституток вызывало скандалы.

Их заставляли платить разорительную пеню и даже по простому доносу анонима порой подвергали смертной казни,

В числе важных преступлений считался вход куртизанок в не свой храм; с их стороны считалось беззаконием присутствие при таинствах культа.

Следующая картина, написанная Диофуром, даст точное понятие об их положении.

«Закон не жалел для них никакого оскорблений. Рождающиеся от них дети, также как и сами куртизанки, разделяли с ними позор; то было пятно, которое могло быть смыто только славным служением государству.

Личное положение наложниц существенно отличалось от положения куртизанок, но положение детей тех и других было почти одинаково.

Незаконнорожденные, кто бы ни была их мать, были как бы извергнуты из народонаселения.

У них не было ни особенной одежды, ни явных отличий, но в детстве они играли и упражнялись отдельно, на месте, принадлежавшем храму Геркулесса, которой считался их божеством.

Когда он делался взрослым, то не мог наследовать; не имел права говорить перед народом и не мог сделаться гражданином.

Наконец дети проституток, как бы для усиления повода, не были обязаны кормить своих родителей. При Архонте Евклиде оратор Аристофан предложил закон, по которому каждый объявлялся: незаконнорожденным, если не мог доказать, что родился от гражданина и свободной женщины.

Солон, регламентируя проституцию, поставил против нее спасительный оплот и предполагал держать на некотором расстоянии презренных ремесленников разврата, которые пожелали бы заняться позорным промыслом, портя девушек и мальчиков.

Существовал закон, относившийся к проституции, известный нам из одной из речей Эсхина: «Кто сосовдничает молодого юношу или свободную женщину,— да будет наказан смертью.»

Но вскоре закон этот был смягчен и заменился штрафом в двадцать драхм.

Смертная казнь сохранялась только в тексте Закона, и даже, как уверяет Плутарх, развратные женщины, которые открыто занимались ремеслом сводней, никогда не были наказываемы, как того требовал закон.

Тщетно Эсхин требовал приложения закона, который никогда не прилагался.

На самом деле было очень трудно провести границу, откуда начиналось преступление, в виду которого был составлен этот закон, ибо в Греции существовал обычай, дававший любовнику право похитить возлюбленную, если только она соглашалась и не было препятствия со стороны родителей. Достаточно было получить согласие отца или матери, чтобы обладать желаемой женщиной.

Когда молодая девушка или ее мать получила от мужчины подарок, эта девушка уже не считалась невинной, хотя бы ее девственность и не была нарушена.

Ей уже не были обязаны ни прежним уважением, ни прежним вниманием, как будто она вступила в проституцию.

Ареопаг, судивший куртизанок и их отвратительных паразитов, когда о преступлении было доказано народным голосом или каким-нибудь гражданином, не удостаивал заниматься простыми проступками, который могли бы быть совершены этим нечистым населением, преданным дурным нравам, и подчиненным строгому наблюдению полиции.

В Афинах куртизанки делились на три главные категории.

Первый разряд составляли *диктериады*.

То были невольницы, собранные Солоном, когда он основал места разврата, названный-*диктерионами*.

Эти не должны были иметь ни отвращения, ни отказа для тех, которые хотели ими обладать с той самой минуты, как принимали на себя подать назначеннную законами.

После диктериад шли *авлетриды*, составлявшие посредствующий класс среди проституток.

Более свободные, эти женщины, игравшие на флейте, плясавшие и певшие, отправлялись в дома упражняться в своих талантах, куда призывали их на пиры или во время празднеств.

Их искусство служило для того, чтобы воспламенять пирующих, с которыми вскоре они разделяли наслаждения.

Наконец *гетеры* занимали высшее место среди проституток.

С образованным умом, блистающие красотой, эти женщины, с помощью своего богатства, могли, до некоторой степени, разделять могущество с высокопоставленными лицами. Они избирали в любовники полководцев, поэтов, философов, судей, и только тех, которые им нравились, громко выражая свою антипатию и свое отвращение.

Что касается диктериад, то эти презренные создания, приговоренные так сказать к заключению, не имели нужды быть судимыми, не имея возможности грешить.

Сверх того, их поведение делало их столь низкими, что их едва ли считали в числе жителей государства; ибо тогда как гетеры сохраняли права гражданства, они, напротив, не только теряли свое, но даже носимое ими имя и занимаемое ими место.

Эта мера прилагалась даже к распутным афинянкам, к тем, который, впав в порок, разделяли унижение куртизанок низшего разряда.

Но и гетеры, и авлетриды, и диктериады не могли без воли Архонтов переступать границы республики,

В Афинах куртизанки были собраны в корпорацию ради эксплуатации своего постыдного ремесла; там каждая повиновалась особенным постановлениям, смотря по категории, к которой принадлежала.

То было их силой и вместе с тем вопросом о существовании.

Налог, которому были подчинены проститутки и который носил название *pornicontelos*'а, скрывался во мраке древности. Он был годичный, но республика не вычитала его предварительно.

Легко понять к каким ресурсам должны были прибегать собиратели этого налога, чтобы вынудить деньги с своих жертв, чтобы заставить их заплатить наибольшую сумму и уменьшить таким образом свои потери на счет увеличения прибыли.

С каждым годом сумма доставляемая этим безнравственным налогом увеличивалась, как вследствие увеличения народонаселения, так и вследствие новых записей.

Проституция ютилась в Афинах только в некоторых известных местностях.

Внутренность города была положительно воспрещена куртизанкам; они могли селиться только вне городских стен и почти с общего согласия они избирали Пирей.

На самом деле Афинский порт, по своему наружному виду и по своему народонаселению естественно представлял более благоприятные условия для их ремесла.

Там были хижины рыбаков, гостиницы, обширные местности, назначенные для торговых магазинов и загородные дома.

А среди всего этого целая толпа праздных людей, торговцев со всего света, воров, игроков и развратников. Одним словом, главные потребители порока и легко достающихся удовольствий.

Куртизанки жили в своих собственных домах, в центре своих занятий, с несколькими нанятыми прислужниками, которые были только помощниками проституции, ибо по этому поводу существовать положительный закон.

Когда свободная женщина вступала в служение к куртизанка, республика лишала ее звания граждан, и конфисковала в свою пользу, как невольницу.

Ранним утром или как только наступала ночь, проститутки выходили из домов и начинали долгую прогулку, отыскивая покупателей, которые бы ж не редки и не представляли особых препятствий для обольщения.

Наиболее предпочтаемая ими местность была громадная площадь, напротив цитадели, касавшаяся самой гавани.

Там, под портиками, где собирались играть в кости, философы и толпы голодных, – они являлись то закутанными, те полуодетыми, различными способами преследуя проходящих.

«Каждая гетера, – говорит Дюфур, – совершенно по своему привлекала мужчин. Ее взгляды, улыбки, позы, жесты были более или менее ясной приманкой, на которую она ловила рыбу. Каждая хорошо знала, что должно ей скрывать и что выказывать: она бывала то рассеянной и равнодушной, то неподвижной и безмолвной, то бежала за своей добычей, захватывала и уже не выпускала из рук; она искала толпы, а не уединения.

Танец с мечами. Художник Г.И.Семирадский

У них у всех был особенный смех призывный и тихий, который издалека будил нечистые желания, говоря чувственности, вблизи заставлявший блестеть зубы из слоновой кости, дрожать коралловые губы, образовываться на щеках похотливые ямочки и волновать ее пышную белую грудь».

Так как доходы были обильны, а жизнь спокойна, то число куртизанок быстро увеличивалось порочными женщинами из соседних стран.

А в то время, как диктериады держались в Пирее, гетеры, более их отважные, приближались к городу и основались в Керамике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.